

ПИОНЕР

ДЕКАБРЬ

Издательство «Правда». 1949 г.

12

21 декабря 1949 года Иосифу Виссарионовичу Сталину исполнится семьдесят лет.

День рождения — это не простой день, а праздник для человека, для его родных и близких. Родные и близкие люди всегда стараются отметить этот день чем-нибудь хорошим.

У товарища Сталина сотни миллионов родных и близких ему людей. В каждом уголке мира у Сталина есть друзья.

У нас, в Советском Союзе, его любят всем сердцем, всем разумом и большие и маленькие граждане государства. Сталин — наша гордость. Сталин — наша слава. Сталин — наше счастье.

Свой великий гений, свои силы, всю свою жизнь Сталин отдаёт народу. Верный соратник Ленина, он вёл нас в годы революции и гражданской войны, он вдохновлял нас на трудовые подвиги в годы мирного строительства, с ним мы одержали славную победу в Великой Отечественной войне. Сталин уверенно ведёт нас к коммунизму.

День рождения товарища Сталина — праздник всего советского народа. В этот день каждый из нас стремится выразить ему всю глубину своей любви, своей благодарности, своей преданности.

Шахтёры и сталевары, машиностроители и ткачихи, колхозники и лесоводы, учёные и художники трудятся с новой силой, с ещё большим подъёмом. Они знают: их вдохновенный труд на благо Родины — лучший подарок товарищу Сталину.

Трудящиеся стран народной демократии тоже встречают этот радостный день славными делами, размахом трудового соревнования, усиленным трудом на благо своего народа. С именем Сталина взойшла для них заря освобождения. Ему шлют горячие, от самого сердца идущие слова благодарности и привета польские шахтёры и чехословацкие металлурги, нефтяники Румынии и венгерские земледельцы, албанские пастухи и рыбаки Кореи.

С именем Сталина идут в бой бойцы Народной армии Китая, повстанцы Индонезии и Вьетнама, партизаны Греции и Испании.

Всюду, где люди борются за свободу и счастье, они видят в Сталине своего учителя, друга, вождя. Сталин — светоч и надежда для миллионов простых людей во всех уголках земного шара.

Всё прогрессивное человечество торжественно отмечает день семидесятилетия товарища Сталина...

Безгранична любовь детей нашей счастливой страны к их лучшему другу, товарищу Сталину. В каждой школе, в каждом пионерском отряде ребята готовы порадовать его новыми успехами в учёбе и труде. Они обещают ему хорошо учиться, обещают крепко любить и беречь родную советскую землю. Они всегда готовы к борьбе за дело Ленина — Сталина.

Да здравствует наш родной, наш любимый Сталин на многие лета!

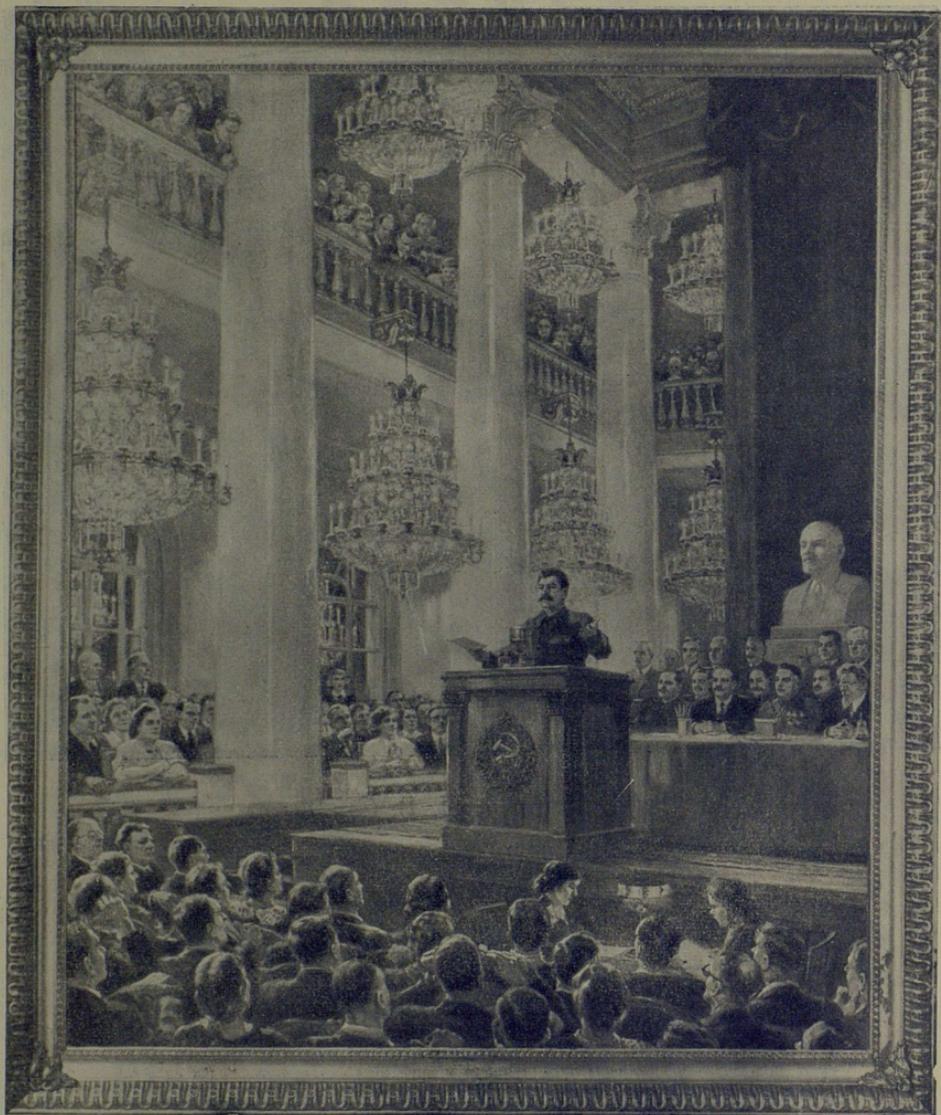

В. И. Ленин и И. В. Сталин.

Картина П. ВАСИЛЬЕВА

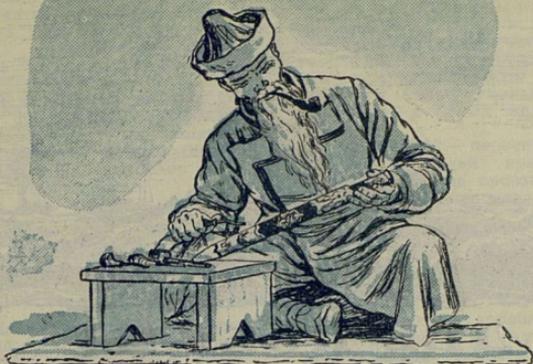
Тридцать третий год существует великое советское социалистическое государство, первое в мире государство трудящихся, основанное Лениным и Сталиным. Под водительством товарища Сталина наш народ уверенно идёт вперёд, к коммунизму. С именем товарища Сталина связаны все одержанные нашей страной славные победы. И за какое бы дело ни брались советские люди, — готовятся ли наши лётчики к новым рекордным полётам, уходят ли в открытое море наши моряки, празднуют ли рабочие и инженеры пуск лучшего в мире московского метро, идут ли в бой за Родину бойцы нашей армии, сажают ли колхозники леса и сады, — все они знают: в учении, в труде и в бою их поддерживает воля Сталина, забота Сталина, светлый сталинский гений!

Образы Ленина и Сталина вдохновляют наших поэтов, музыкантов, писателей, художников. Вы увидите здесь несколько новых картин. Мастера советской живописи рассказывают в них об исторических событиях и славных делах нашей Родины, возглавленных Иосифом Виссарионовичем Сталиным, чья жизнь — неустанный труд, великий подвиг во имя счастья народов.

«Есть метро!»

Картина А. ГЕРАСИМОВА.

ГОВОРЯЩИЙ УЗОР

Чимит Цыдендамбаев

Рис. Н. Евлановой

Сделал мастер знаменитый
Ножны — для вождя в подарок.
На серебряной оправе
Вырезает он узор.

Шелестят степные травы,
Небосвод полдневный ярок.
Вдалеке Байкал синее
В обрамленьи снежных гор.

Мастер кованые кольца
Покрывает позолотой,
Корень красного сандала
Он до блеска шлифовал.

С высоты взглянуло солнце
На искусную работу,
На оправе филигранной
Жаркий луч затрепетал.

Просит солнце:
— На узоре
Помести мой лик лучистый,
Я даю земле цветенье,
Обогрел мой свет поля.

На черёмухе душистой
Соловья он слышит пенье:
— Посади меня на ветке
Возле звёздного Кремля!

Низко клонится пшеница:
— Я созрела для народа,
Я хочу, чтоб на подарке
Вождь меня увидеть мог.

— Не забудь про новостройки!
— Не забудь огни заводов, —
Слышит мастер издалёка
Нарастающий гудок.

Старый мастер улыбнулся,
Трубку закурил в молчаньи.
Головой кивнул, услышав
Этих просьб согласный хор.

Стаи птиц у стен Кремлёвских,
Солнца яркое сиянье,
Шелестящие колосья
Вплёл он в праздничный узор.

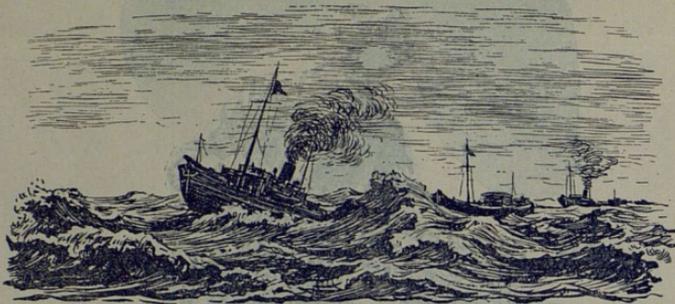
Вождь увидит на подарке
Всё, чем наша степь богата:
Корпуса заводов новых
И колхозные стада.

И на самом видном месте,
Посреди, стоят два брата:
Русский брат дал руку дружбы
Нам, бурятам, навсегда.

Перевела с бурят-монгольского

Т. Стрешнева

ДВЕ ПОБЕДЫ

Рассказ А. Некрасова

Рис. Б. Винокурова

Лет двадцать назад на Дальнем Востоке у меня был друг Алёша Мордвинов.

В то время я плавал третьим помощником капитана на маленьком зверобойном боте. Алёша поступил к нам механиком и как-то сразу «пришёлся» и к людям и к кораблю.

Ему было лет двадцать, не больше, но он многое знал и за что бы ни брался, всё у него получалось. Любое дело он доводил до конца и этим сразу завоевал уважение товарищей.

В первый же день он смело разобрал до основания наш старенький двигатель и две недели, пока мы стояли в порту, буквально не вылезал из машины. Его помощники поворчали, конечно, но зато с тех пор я не помню случая, чтобы машина на нашем боте хоть немного заикалась. Она работала безотказно и слушалась Алёшу, как живая. Впрочем, это и неудивительно: Алёша Мордвинов был потомственным механик-дизелист, из Сормова родом, а там, в Сормове, в дизелях понимают толк!

Два года мы с Алёшей плавали на одном судне, жили одним делом, спали в одной каюте, голова к голове, ели с одного стола и, конечно, стали друзьями. Мы много пережили вместе, вдоволь натерпелись от моря, но зато много видели и хорошего, такого, что и сейчас вспоминается, как чудесная сказка...

Одни льды чего стоят! Бывало, летом забёршься на мачту, посмотришь: до самого горизонта ровное поле, светлое, как серебро, да кое-где изумрудные жилки изломов. Простор необъятный!

А зимой... Холодные, грозные льдины обступают со всех сторон. В непроглядной черноте полярной ночи льды стоят, как тёмные стены. Вот-вот сомкнутся, раздавят... И вдруг вспыхнёт сияние, всё вокруг заискрится, засверкает, заиграют хороводы цветных огней, точно кто щедрой рукой ссеет по льду самоцветные камни...

А бури-тайфуны, разве мало в них своей мужественной красоты? Стоишь вот так на палубе, среди бушующего океана. Хлещут волны. Ревет, надвывается холодный ветер, грохочут льды...

Порой трудно, ой, как трудно бывает в море! Вот-вот, кажется, сомнёт, опрокинет, сотрёт в порошок углое судёнышко... А ты стоишь и знаешь: ты не один, рядом товарищи. И руль в надёжных руках, и путь выбран верно, и машина не даст. И знаешь ещё, что в тебя тоже верят. И как бы ни злилась буря, пусть злитесь, всё равно не сдадимся, не отступим, победим!

Вот эта вера и победу так поднимает в трудную минуту, что потом на всю жизнь такие минуты остаются в памяти, как больших праздников.

Таких минут мы вместе с Алёшей тоже пережили немало, и, должно быть, поэтому нам казалось тогда, что дружба наша навеки.

Но случилось так, что пути наши разошлись. Мы, конечно, писали друг другу, сначала часто и помногу, потом всё короче и реже... Потом как-то случайно встретились в чужом далёком порту. Обнялись, посидели вечером, вспомнили старину, а наутро он ушёл со своим кораблём на восток, я со своим — на запад. Потом слышал я, будто он в Сормове, инженером на заводе. А дальше мы совсем потеряли друг друга.

С годами иные пришли заботы, другие люди встали кругом. Вчерашний день отступил далеко-далеко. Новое, сегодняшнее захлестнуло с головой. И вот недавно я попал в Сормово. Попал и — каюсь — не вспомнил бы старого друга!

Но случилось так, что я оказался на сборе дружины в одной сормовской школе. Там я увидел пионера с двумя нашивками на рукаве. Что-то в нём показалось мне очень знакомым, и я мучительно стал вспоминать: где же мы встречались с этим мальчиком? Тут он поднял руку, требуя внимания, и я вдруг вспомнил Алёшу с поднятой так же вот рукой.

Однажды, это было очень давно, мы целый день били зверя на льду. Под вечер на мачте подняли «сбор». Я дал команду возвращаться на судно. Но Алёша улёгся: стрелял он отично, и пока мы, собирая добычу, стягивались к судну, алёшина винтовка то и дело бухала где-то у нас за спинами. Вдруг она

замолчала. Мы сперва не заметили этого. Потом старик Малыгин, зверобой из Архангельска, обернулся назад, приослал ладонь к козырьку, постоял так, обводя горизонт глазами.

— Вроде механика не видать! — крикнул он.

Тогда обернулся и я. На ослепительно белом поле узкими фиолетовыми язычками лежали длинные вечерние тени ропаков. Тёмными пятнами пестрели туши убитого зверя. Кое-где над ними ещё клубился розовый пар. Но Алёши нигде не было.

— Пошли, — сказала я, и мы с Малыгиным, торопясь, зашагали по хрустящему насту...

Наконец мы увидели Алёшу в поляне, забитой молодым льдом.левой рукой он держался за лёд, правую поднял над головой.

— Сапоги, — сказал он, когда мы подошли, — не вылезешь!

Пройти он смог шагов двести, не больше. Одежда замёрзла на нём ледяным саркофагом, и мы на лямках, как тюленью тушу, приволокли его на судно...

В тот же вечер он сказал мне:

— Знаешь, скверная это штука — отстать от товарищей...

Вот эта сцена, давно забытая, мгновенно промелькнула в памяти, и пока мальчик с нашими говорила что-то обступившим его пионерам, я спросил у старшей вожатой:

— Кто это?

— Это? Это Сережа Мордвинов.

В тот же день я услышала новый рассказ про своего старого друга и про его сына.

* * *

Рассказ этот всего лучше начать с прошлого года, с того самого вечера, когда инженер Мордвинов прощался с сыном Серёжей.

Это было как раз перед зимними каникулами. В этот день Серёжа получил табель и с гордостью раскрыл его перед отцом: ровным столбиком, одна под другой, в каждой строчке стояли пятёрки.

— Молодец, — сказал Алексей Алексеевич. — Ну что же, Сергей, поздравляю. А теперь давай побеседуем. Я уезжаю, ты знаешь?

— Знаю, папа. Надоело? — спросил Серёжа.

— Надоело, сынок. На год, может быть больше. Вот, пойдём-ка. — И, взяв Серёжу за плечо, Алексей Алексеевич подвёл его к большой карте. — Это какая река? — спросил он.

— Енисей.

— А это?

— Это Иртыш.

— А это?

— Это Обь, — ответил Серёжа.

— Так, — сказал Алексей Алексеевич. — Ну вот, слушай!

Он уселся в кресло и, играя маховичком крошечного дизеля, украшавшего письменный стол, помолчал немного.

— Помнишь, — сказал он наконец, — ты была у нас на заводе?

— Помню, — сказал Серёжа.

— Так вот, — сказал Алексей Алексеевич, продолжая крутить маховичок. — Мы тут, в Сормове, делаем корабли. А плавают эти корабли по всем рекам нашей Родины. Будущим летом решено целый флот провести на

сибирские реки. А дорога туда одна. Какая, по-моему?

— Великим Северным морским путём, папа, да? — сказал Серёжа и посмотрел на карту.

— Точно, — сказала Алексей Алексеевич, — только для нас это трудный путь. Ледоколам там хорошо, а речным баржам тяжелейню придётся. Лды, туманы, штормы...

— Папа, а белых медведей вы там увидите?

— Медведей? — переспросил Алексей Алексеевич. — Медведей вряд ли... Медведь — зверь робкий, на проезжей дороге не сеится, а Карское море стало вроде проезжей дороги.

— А тюленей, папа?

— А тюленей увидим, — сказал Алексей Алексеевич и помолчал, задумавшись. — Тюленей увидим обязательно, — повторил он. — Так вот, Серёжа, мы обещали товарищу Сталину, что все корабли приведём на место и ничего с нами не случится... А можешь ты мне обещать, что и у тебя ничего не случится, что в седьмой класс ты перейдёшь с хорошими отметками?

— Постараюсь. Нет, не постараюсь, а обещаю, могу, — затаропился Серёжа.

— Ну, смотри, Сергей, держись... И вот что помни ещё: самая скверная штука — отстать от товарищей... — Он ещё что-то хотел сказать, но тут мама заглянула в дверь и сказала:

— Товарищи, чай пить!

* * *

На другой день папа уехал, а у Серёжи начались каникулы. Скучать было некогда. Все двадцать четыре часа в сутки были заполнены удовольствиями. С утра всем отрядом они собирались на Волге, носились на лыжах с горы, подняв тучи снежной пыли, тормозили с пологого хода и неслись дальше, расставив, как крылья, красные от мороза руки. Днём нужно было поспать в кино, потом на каток, тренироваться к спартакиаде, потом на ёлку, а с ёлки опять на каток... И когда, наконец, набегавшись досыта за день, Серёжа приходил домой, постель казалась ему такой уютной, что и предстоящий сон он зачислял в состав праздничных удо-

вольствий. А утром, хотя и можно было бы поваляться лишний часок, Серёжа вскакивал, завтракал и убегал до обеда, потому что ни в чём не хотел отстать от товарищей, а товарищи у него были народ неспокойный. Потом канюки пролетели. Собрав книжки, Серёжа отправился в школу, и замесляла дни, как две капли воды, похожие один на другой, и в то же время такие разные, такие непохожие друг на друга дни! Все они были заполнены задачами, примерами, правилами, законами, упражнениями... Но каждый раз это были новые задачи, новые правила, новые законы.

В феврале пришло письмо от папы из Архангельска. Папа писал, что много работает, так много, что некогда даже писать. «Все минуты у нас на счету. Зато все мы верим, что слово своё выполним...»

Серёжа ответил на двух страничках, а в конце написал: «А насчёт нашего договора будь спокоен, папа, я тоже уверен, что выполню слово». Потом он сел к папе за стол учить английский, но буквы почему-то расплывались, глаза упрямо закрывались, и страшно хотелось спать. Ещё час он боролся с этим желанием, но затем опустил голову на руки и заснул за столом. А утром его увезли в больницу. Он заболел скарлатиной.

Через несколько дней жар спал. Серёжа был уверен, что он уже совершенно здоров, и то, что приходится лежать в постели, казалось ему страшной несправедливостью. Столько дел, важных, значительных, необходимых дел, которые не могут совершиться без него, осталось за стенами палаты, что было просто непостижимо, как это и завтра, и послезавтра, и ещё неизвестно сколько дней можно оставаться здесь!

Это было похоже на скверный сон: вот затрещит будильник, он проснётся, и опять всё будет хорошо. Но будильник не трещал. Дурной сон продолжался, и чувство неизбежной катастрофы не оставляло Серёжу.

Это тревожное чувство не давало ему спать. Он просыпался раньше всех в палате и, глядя на окно, занавешенное марлей, старался хоть мыслями вырваться из своего плена.

Весь его мир был теперь ограничен стенами белой палаты и широким четырёхугольным окном.

В палате стояло ещё пять таких же, как у него, белых кроватей с тумбочками. За окном виднелась стена высокого дома с пожарной лестницей. На лестнице, нахохлившись, сидели вороны. Большие, тяжёлые снежинки прилипали к стеклу и ползали вниз, превращаясь в прозрачные капельки.

«Значит, оттепель», — подумал Серёжа и закрыл глаза. Ему представилось, что он дома. «Выйду пораньше», — решил он, — скакую пару снежков, и только Юрка высунет нос из парадного — так влепаю, что ой-ой!»

Потом приснилось, как Юрка отряхивает снег, как он хохочет, Серёжа тоже смеётся, и прохожие улыбаются, глядя на них. Вот они с Юркой несётся идут в школу, на ходу обсуждая дела физического кружка: модель паровой машины почти готова, осталось пропаять и собрать котёл. Можно бы поручить

это Игорю, но лучше не стоит. Он и так, того и гляди, «схватит» тройку по истории. А это они здорово с Юркой придумали: поставить отчёт физкружка на сборе дружины! Доклад поручили Серёже, он так и начнёт: «Все члены физического кружка учатся только на пять и на четыре...»

Вдруг отворилась дверь. Серёжа проснулся. Тихо шаркая туфлями, вошла в палату старенькая седая сестра тётя Нина. Ласково глядя сквозь стекла больших очков, она раздала термометры.

Ещё один больничный день начался. И, зажимая подмышкой холодное, как сосулька, стёклышко, Серёжа со страшной ясностью понял вдруг, что сегодня ребята без него будут играть в снежки, завтра без него испытают машину, а в субботу без него соберётся совет отряда...

Он представил, как Василий Алексеевич откладывает в сторону его тетрадку, возвращая контрольные по геометрии, и как Юрка на сборе дружины собирает листочки конспекта, закончив доклад.

Там без него продолжается жизнь. Там каждый день полон новой борьбой, новыми победами.

А тут... Тётя Нина, высоко подняв термометр, посмотрела на шкалу и с похвалой в голосе сказала:

— Тридцать шесть и шесть... Молодец, Мордвинов.

И от этого «молодец» Серёжа, который терпеть не мог слёз, чуть не расплакался.

Скучно тянулись эти трудные дни. Две койки в палате пустовали. На трёх лежали мальши: два второклассника и первоклассник. С ними два поговорить было не о чем. И только письма с «воли», с «большой земли», как про себя называл их Серёжа, вносили разнообразие в монотонные больничные будни.

«Поправляйся скорее, сыночек», — писала мама и сообщала о маленьких домашних новостях.

«Поправляйся скорее, Сергей, мы тут без тебя горим», — писал Юрка и подробно перечислял все школьные происшествия.

«Поправляйся скорее, Серёжа», — писала старшая вожатая Нюра.

Точно сговорившись, все требовали: «Поправляйся скорее», — а он и не думал поправляться. Наоборот, с каждым днём он яснее понимал, что желанный час освобождения отодвигается всё дальше и дальше... Опять поднималась температура, по ночам «стреляло» в ухе, раскалывалась от боли голова.

Серёжу перенесли в другую комнату, и главный врач Денис Лаврентьевич, похожий на Тараса Бульбу, всё дольше задерживался у его кровати и, шевеля седыми бровями, говорил укоризненно:

— Плохо твоё дело, герой, придётся ещё погостить.

И Серёжа «гостил». Он пролежал весь февраль, пролежал март. В апреле два раза у его кровати собирались сразу по несколько врачей. Они передавали друг другу серёжин температурный листок, слушали сердце, осторожно шупали за ухом и спорили о чём-то тихими голосами, произноси непонятные слова.

И только перед самыми майскими праздниками Денис Лаврентьевич, подмигнув так, будто сообщает важную тайну, сказал:

— Пора, брат Мордвинов, и честь знать. Скоро выгоним...

* * *

Через две недели Серёже принесли его лыжный костюм, бальё и башмаки.

Держась за перила, он спустился по лестнице, прошёл какую-то комнату, заставленную шкафчиками, няня открыла дверь, и к Серёже бросилась мама:

— Серёжа, мальчик мой... Одни скулы остались!

Потом она достала из сумочки тёплую шапку, надела Серёже на голову и завязала уши.

— Ну, пойдём, — сказала она и взяла сына под руку.

По городу они ехали на «Победу». Деревья оделись пышной молодой листвой. Древний кремль стоял высоко над рекой, как дорогая игрушка на зелёной бархатной подставке. Прохожие были одеты по-летнему, а под местом, переключаясь гудками, торопились куда-то буксиры с платами и баржами.

Когда приехали в Сормово, Серёже показалось, что он вчера только ходил по родным улицам. И непонятно было, почему нет снега, почему все окна открыты настежь, откуда так сразу пришло лето.

Дома Серёжа подсчитал: оказалось, что он пробыл в больнице ровно девятно девять дней.

— Папе я ничего не писала, не хотела его огорчать, — сказала мама.

Вечером пришёл Юрка. Он уже успел загореть, нос у него лупился. Увидя Серёжу, он порывисто схватил его руку, крепко пожал и, глянув в исхудавшее серёжино лицо, радостным баском сказал:

— Здорово, Сергей, наконец-то явился... А мы и ждать перестали... У нас тут такие дела...

И Юрка начал рассказывать, что их класс лучший в школе по успеваемости, а сейчас, перед испытаниями, они всем отрядом решили, что никто четверки ни у кого отметок не будет.

— Ну, и понимаешь, решить-то решили, а дисциплинка кое у кого хромает. Тепло, уже купается народ, и футбол, и всё такое. Вот и приходится друг друга подтягивать. Достали билеты, проверяем всё прямо по билетам, чтобы уж без ошибок. В общем, за пятёрки не поручусь, а на четверки все до одного вытнем, это точно!

— А я? — спросил Серёжа.

— А ты? — сказал Юрка. — А ты не в счёт. — Он вдруг осёкся и, помолчав, добавил: — С тобой разговор особый.

— Ну, а кружок как?

— Кружок сейчас свернули. Не до того. А до весны работали. Недавно выставку устроили, ходили на автозавод и к нам, на

«Красное Сормово». Смотрели, как танкер спускают.

— А машина пошла тогда? — спросил Серёжа.

— Машина? Какая машина? — удивился Юрка. — Умформер, что ли? Так его ещё перематывать надо, это уж на тот год.

— Паровая, — сказал Серёжа. — Помнишь, мы тогда строили?

— Ишь, чего вспомнил! Ну, конечно, пошла. А мы с тех пор турбину и реактивный глицер построили, только глицер не испытывали пока. Это уже в лагере... Ну ладно, я пойду, у меня ещё дела сегодня... А ты в школу скорей приходи, в субботу совет отряда.

Юрка снова крепко пожал руку Серёже, вылетел в дверь и быстро пошёл куда-то.

Серёжа посмотрел ему вслед и вдруг понял, как далеко шагнула жизнь за эти три месяца...

— «Не отставай от товарищей», — сказал тогда папа, а он вот отстал. Отстал всего на сто дней и уже «не в счёт», уже на год позади...

В субботу Серёжа пошёл в школу. Он пришёл к концу уроков, и ребята, увидев его, весёлым табуном кинулись навстречу.

— Мордвинов явился, ура! — крикнул Игорь и, вырвавшись вперёд, первый схватил его за руку. Потом его обступили со всех сторон и громко, ничуть не стесняясь, стали обсуждать его вид:

— Ох, похудел-то!

— Да что ты, Сергей, вырос, что ли? Выше Лёньки стал, глядите, ребята!

Потом посыпались вопросы:

— Всё так и лежал? Надоело, наверное?

— Ну, а ещё кто там был, или один?

— А читать дают, Сергей?

Серёжа едва успевал отвечать, и сам ничего не спросил у ребят. Да и о чём было спрашивать? По обрывкам разговоров он понял, что волнуют их вещи, для него непонятные. Какие-то формулы, о которых он и не слышал... Большой барьерный риф... Головоногие моллюски... — ничего этого Серёжа не знал.

Он пошёл в канцелярию. Первым, кого он увидел там, был Василий Алексеевич.

— Мордвинов?!—удивился он, и ласковые искорки засветились в его глазах.— Вернулся, ну вот и прекрасно... Кстати, Серёжа, одну минуточку...— Он раскрыл свой огромный, как сундук, портфель и, немного порывшись в нём, достал тетрадку.— Вот последние твоя контрольная по геометрии, третьего февраля... Ну, и как всегда, у Мордвинова пять!— сказал Василий Алексеевич и протянул Серёже открытую тетрадку.

— Василий Алексеевич,— сказал Серёжа,— а как же теперь со мной?

— С тобой, Серёжа, вопрос, к сожалению, ясен. Придётся остаться на второй год.

— А если я догоню?... Василий Алексеевич!

— Мы думали, Серёжа, об этом,— сказал Василий Алексеевич.— Видишь ли, по математике ты догонишь легко, в этом я уверен... Но ведь одна математика дела не решает. Программа большая, трудная, а тебе необходимо поправиться, отдохнуть...

— А если я догоню?— снова спросил Серёжа.

— Не знаю, Серёжа... Мы тут и с мамой твоей говорили. И она так считает: лет тебе немного. Ты ведь младше всех в классе?..

— А если я догоню?— упрямо повторил Серёжа.

— Подумай, Серёжа. Конечно, жалко терять год, но так, от души, я не советую,— сказал Василий Алексеевич и посмотрел на часы.— Ты ещё хорошенько подумай, посоветуйся с мамой.— И, застегнув портфель, Василий Алексеевич пожал Серёже руку.— Мне, к сожалению, пора на урок. Но мы ещё поговорим с тобой,— сказал он и вышел.

Вслед за ним пошёл и Серёжа. В дверях он встретился с Нюрой.

— Серёжа, голубчик, вернулся!— обрадовалась она.— Ну, вот и хорошо! Ты, главное, теперь отдыхай, поправляйся. Вон ты какой! А уже с осени опять за работу. И ты не горюй, в пятом «Б» ребята тоже...

— А если я догоню, Нюра?— перебил Серёжа.

— Ну, где же теперь догонять, за полгода? Тебе отдыхать надо. А ты, главное, не расстраивайся, ведь ты не виноват... Ты в лагерь-то собираешься?

— Не знаю, Нюра...

— Ну вот, собирайся в лагерь. Завод нам катер даёт. Будем в походы ходить. Загорать, купаться... А про это не думай.

Мама тоже сказала:

— Год—это пустышки. Здоровье гораздо важнее... Отправлю тебя в санаторий, на Чёрное море. Будешь там крабов ловить, на парусной лодке кататься. А потом я сама возьму отпуск и за тобой приеду. Ну, как, решено, сынок?

Столько соблазнов вставало за маминими словами, что Серёжа готов был сдать. Тёплое Чёрное море властно манило его. Он пытался представить себе это море, и дельфинов, и корабли...

Вдруг зазвонил звонок. Серёжа пошёл открыт, но за дверь никого не оказалось, а в ручку засунут был конверт. Серёжа взглянул на адрес и сразу узнал почерк. Это было письмо от папы. Он давно не писал. Присылавал только телеграммы: «Жив, здоров, люблю. Алексей».

Когда мама открывала конверт, руки у неё чуть-чуть дрожали. Она вынула целую пачку мелко исписанных листочков, быстро просмотрела их и часть протянула Серёже.

— Это тебе,— сказала она,— а это мне.

Как только Серёжа прочитал первые строчки, очарование Чёрного моря сразу пропало. Другое, холодное Белое море целиком завладело его мечтами.

Папа писал, как они там живут, в Архангельске, как готовятся к трудному делу. Они уже приспособили к морю все речные корабли, заваривали стальными листами иллюминаторы, закрывали щитами окна... Машины проверены, топливо погружено. Осталось записаться продовольствием, и можно трогаться в путь. Но лётчики, вылетевшие на разведку, говорят, что ещё рано. Ещё очень тяжёлые льды стоят в океане.

«У вас уже всё в цвету,— писал папа,— а у нас только-только началась весна. Ещё холодно, и снежок бывает, но зато ночи светлые, и мы иногда поздно ночью гуляем по городу или ловим рыбу на Двине... Скоро льды разойдутся, мы поднимем якоря и отправимся в путь. Трудный путь, но мы своё слово сдержим. Как обещали, так и будет, что бы ни случилось, все корабли в целости доставим куда нужно.

— Ну, а твои как дела, сынок? Как успехи, чем порадуешь папку? Поцелуй мать и помни: я на тебя надеюсь...»

Серёжа посмотрел на маму, и пока она дочитывала письмо, то и дело улыбаясь чему-то, он всё решил...

Когда она перевернула последний листок и подняла глаза на Серёжу, он сказал:

— Мамочка, я не поеду в санаторий. Отпусти меня в лагерь с ребятами. Ладно, мамочка, отпусти!

Мама посмотрела на Серёжу долгим, внимательным взглядом. «Вылитый отец»,— подумала она и сказала:

— Ну что ж, поезжай.

* * *

Если вы жили в лагере, вы лучше меня понимаете, как трудно остаться дома, когда весь отряд отправляется в поход.

Если летом вам приходилось учиться, вы, конечно, знаете, сколько веских причин можно найти для того, чтобы отложить в сторону книжку.

Если вы любите спорт, вам не нужно объяснять, как обидно отказаться от соревнования, когда знаешь, что твоё участие принесёт команде победу...

Серёжа был хорошим спортсменом. Он мог бы найти тысячи причин, чтобы в любую минуту закрыть учебник. И когда отряд с Юркой во главе рассяживался на катере, Серёже очень не хотелось отставать от товарищей. Но именно поэтому каждый раз, когда начиналась игра на футбольной площадке, Серёжа с книжкой в руке уходил в дальний угол сада.

Он не хотел отставать от товарищей и поэтому упрямо навёрстывал тот путь, который товарищи прошли без него.

Это был трудный путь. Иногда Серёже казалось, что он не выдержит, сдастся...

«Для счастья народа».

Заседание Политбюро ЦК ВКП(б).

Картина Дм. НАЛБАНДЯНА

Однажды, например, Юрка разыскал его в саду и крикнул издали:

— Слушай, Сергей, нынче глассер будем испытывать. Поедем, а? Один-то день, я думаю, ничего?

Серёжа захопнул грамматику, поднялся. На секунду и ему показалось, что один день ничего не значит... Но тут же он понял, что стоит один только раз отлучиться, и весь его гордый замысел рухнет.

— Ты мне лучше расскажешь потом, — твёрдо сказал он и снова сел на траву. — Я не поеду, Юрка...

Никаких чудес храбрости Серёжа не показывал. Он никого не поражал своей силой и ловкостью. Он просто шёл по намеченной дорожке, не сворачивая и не отступая, только и всего, — но идти вот так, не сворачивая и не отступая, — это ведь тоже подвиг!

Не сворачивая и не отступая, над полярными льдами провёл свой самолёт Чкалов... Не сворачивая и не отступая, прошли краснотопцы свой боевой путь, указанный Родиной...

Не сворачивая и не отступая, идёт весь советский народ по пути, указанному великим Сталиным...

И товарищи, которые любили Серёжу и дорожили его дружбой, с первого дня поняли это.

Горькое чувство отчуждённости, которое Серёжа испытывал тогда в школе, ушло навсегда: он снова стал полноправным членом отряда, и стоило ему сказать слово, сразу находились добровольцы, готовые пожертвовать любым из лагерных удовольствий, чтобы помочь Серёже разобрать теорему, повторить правила, устроить диктант. А больше всех помогал Серёже Василий Алексеевич, который жил с ребятами в лагере. И когда сорок лагерных дней пронесли, как в сказке, прощаясь с Серёжей, Василий Алексеевич сказал:

— Поработал ты хорошо. Нужно только закрепить знания.

Серёжа и сам понимал, что главное, самое трудное уже позади, а впереди ещё немного усилий — и победа... И вот эта вера в победу так подняла, так преобразила его, что мама даже удивилась, когда он вошёл, загорелый, возмужавший, с восторженно горящими глазами.

— Ну, как отдохнул, сынок? — спросила она.

— Чудно, мама, чудесно! — сказал Серёжа и ничуть при этом не покрывил душой. Он и в самом деле чувствовал себя прекрасно.

* * *

В один из летних дней Алексей Алексеевич Мордвинов стоял на мостике парохода. На флагманском корабле экспедиции поднялись два сигнальных флага. Один из этих флагов означал порядок построения, второй был сигналом к отплытию.

Выполняя приказ, корабли с баржами на буксирах встали каждый на своё заранее назначенное место, и весь флот двинулся на север.

Впереди были океан, льды, туманы, бури... Но и льды, и туманы, и бури Алексей Але-

ксеевич не раз видел в молодости. Он и поехал сюда потому, что лучше других инженеров знал, что ждёт их сормовский флот в этом трудном походе. И теперь, проработав полгода, он был уверен, что к любой неожиданности арктического плавания и люди и корабли готовы.

Ему, собственно говоря, больше нечего было делать. Он оставался тут на случай чрезвычайного происшествия, а никаких чрезвычайных происшествий — он это знал — в экспедиции не должно быть и не будет.

Зато у флагманов, капитанов и лётчиков началась боевая пора. Рыча моторами, серебристые самолёты стремительно уносились на север и на восток, воздушные штурманы «засекали» движение ледяных полей, синоптики каждый час уточняли прогнозы погоды. Радисты на самолётах, на кораблях, на далёких полярных станциях, разбросанных во всех концах Арктики, выстукивали ключами длинные очереди сигналов. А на флагманском корабле, склонившись над картами, прижатыми к столу свинцовыми гириками, опытные полярники считали сводки, обсуждали обстановку и выбирали тот единственный верный путь, который должен привести к победе.

Белое море давно осталось позади. По правому берегу пропала в тумане мыс Канин Нос, и слева на горизонте открылся остров Колгуев.

Стоя на мостике, Алексей Алексеевич беседовал с молодым капитаном. Вдруг он заметил в море узкие, как кияшки, чёрные плавники касаток. Касатки неслись куда-то, обгоняя друг друга. Иногда играя, они выбрасывались из воды, как чёрные торпеды.

Проводив глазами стадо морских хищников, Алексей Алексеевич обернулся к капитану.

— Разыгрались, — сказал он. — Будет буря.

— Ну, что ж, — ответил капитан, уныло свнувшись. — «Мы поспорим и помужествуем с ней!»

И вот буря началась. Вода потемнела, холодный ветер засвистел в снастях. Шквал за шквалом понеслись над морем, закручивая большие гребни на волнах. Волны росли с каждой минутой. Они медленно, будто нехотя, взбирались на низкие борта, холодными потоками рушились на палубы, грозя раздвинуть корабли. Они валяли корабли на борт, высоко поднимали их на гребнях и бросали в пропасти, кипящие солёной пеной. Тяжёлые баржи кланялись за кормой и рвали, силась оборвать стальные буксиры. Грозное море шумело. Птицы тучами носились над волнами, а с чистого неба на весь этот хаос бушующего океана лилась потоки лучей незаходящего полярного солнца...

Но как ни злилось море, как ни свистел ветер, красные флаги попрежнему гордо развевались над кораблями, караван в прежнем строю шёл, упрямо пробиваясь вперёд. И когда ураган, выдыхаясь в неравной борьбе, словно собрав последние силы, ещё яростнее заревел над волнами, корабли уже пересекли открытое море и один за другим укрылись в просторной бухте, под защитой острова Вайгач.

За Югорским Шаром стоял сплошной лёд... Даже ледокон не смог бы пробиться сквозь

него. Но там, где нельзя идти напролом, человеку помогает знание.

Синоптики высладили лёгкие ветерки, дувшие откуда-то с юга. Они знали, что не сразу, но эти ветерки окрепнут, превратятся в шторм, и, как ни крепки льды в Карском море, ветер сломает их, прогонит на север и откроет путь каравану.

И люди ждали. И день, и два, и неделю. Ждали и знали, что всё равно дождутся победы...

Наконец лёд тронулся. Снова взвился сигнал «К походу». Круто взяв на север, корабли пошли в последний переход. И тогда победённый океан бросил в бой свой последний резерв — туман. Сплошной пеленой он спустился на море и ослепил людей.

Когда целый флот накрывает туманом, флот становится топой слепцов. Но люди знали: впереди, за туманом, есть лёд. Вчерашний враг превратился в союзника. Осторожно, переключаясь гудками, корабли подошли к ледяному полю, забросили якоря и медленно поплыли вместе со льдом. А когда туман рассеялся и снова засверкало море, корабли построились в походный порядок и пошли дальше, к проливу Малыгина... Впереди открылись Обская губа, Енисейский за-

лив. Льды и штормы, туманы и метели остались далеко за кормой. Впереди была победа!

В тот день, когда Серёжа сдал последний экзамен, Алексей Алексеевич вместе со своим кораблём подходил к месту назначения. А там его ждала телеграмма: «Перешёл седьмой класс Серёжа».

В этот день, собираясь в школу, Серёжа в дверях встретился с почтальоном:

— Мордвинову Сергею Алексеевичу, — сказал почтальон, протягивая телеграмму.

Серёжа сорвал бандероль и прочитал скучные слова, пролетевшие тысячи километров через тайгу и горы, через тайгу и реки, — слова, написанные сильной пепиной рукой несколько часов назад: «Поздравляю, желаю успехов, всегда был уверен в тебе. Собираюсь домой».

В тот же день Серёжа прочёл в газете другую телеграмму. Товарищ Сталин поздравлял коллектив экспедиции с образцовым выполнением правительственного задания.

И хотя, конечно, к Серёже Мордвинову эта телеграмма прямого отношения не имела, ему почему-то казалось, что какой-то крошечный кирпичик заложен в эту большую победу и его скромным трудом.

«Москва, Кремль, товарищу Сталину».

Картина Ф. МАЛАЕВА

Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!

В нашей стране все дети учатся. Учатся и эти ребята из таджикского колхоза имени Сталина. А до революции в Таджикистане на тысячу человек было только шесть грамотных.

В прекрасных лагерях и санаториях отдыхают ребята летом. Многие из них, как эти девочки, приезжают на юг, к ласковому Чёрному морю, во всесоюзный пионерский лагерь «Артек».

Дворцы пионеров, детские театры, библиотеки, технические станции, стадионы открыты в нашей стране для детей. На снимке справа вы видите саратовских пионеров Вову Денисова и Юру Носкова. Они занимаются в железнодорожном кружке при городском Доме пионеров.

Чудесный ковер

Платон Воронько

Рис. Е. Афанасевой

1

За синими Карпатами,
Где речка Уж течёт,
Узорами богатыми
Ковёр гуцулка ткёт.

А рядом, чуть в сторонке,
Девчоночки сидят.
На тот ковер девчоночки
Любуются-глядят.

Ничем не опечалена,
Гуцулка ткёт, поёт.
И светлый облик Сталина
На полотне встаёт.

Шагает он дорожками,
За ним синее бор.
Пастушескими стёжками
Идёт с высоких гор.

Сияет солнце раннее,
А воздух, как слеза!..
И девочки в молчании
Глядят в его глаза.

Им кажется, что на руки
Он их сейчас возьмёт.
Через сады, и парки,
И рощи понесёт.

Покажет реки плавные —
Днепр, Волгу и Неву.
Потом столицы славные
И главную — Москву.

2

Они увидят звёздное
Соцветие Кремля,
Просторные колхозные
Цветущие поля.

Ребьчих помыслов рои
Воплощены в шелках...
Гуцулка! Дочери твои
На сталинских руках.

Как будто скромных два цветка
Чудесно расцвели:
Два личика, два лепестка,
Две былочки земли.

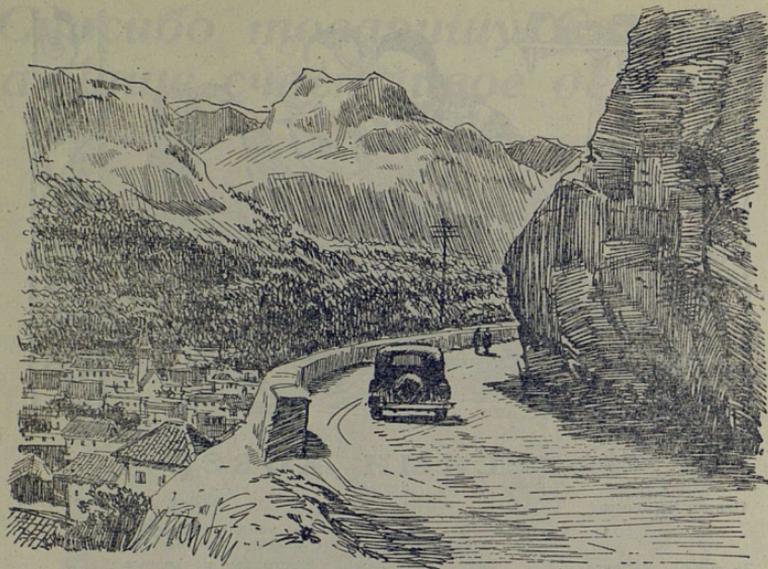
Оксанка слева — вон она,
Какая стрекоза!
А Катя, видно, смущена,
Косит слегка глаза.

Как полдень, высока гора!
И виден им с горы
Тот край, где кончилась пора
Безрадостной поры.

Показывает Сталин шлях,
Которым шёл народ
В тяжёлых праведных боях
В года крутых невзгод.

Тот край, которому цвести,
Где будет сладок труд,
Где к коммунизму все пути
Ведут и приведут!

Перевела с украинского
Ел. Благинина

СВЕТ НАШЕЙ ОТЧИЗНЫ

Олег Бедарев

(Из книги «У РУМЫНСКИХ ДРУЗЕЙ»)

Рис. В. Богаткина

Петрошаны — город шахтёров. Расположен он среди гор Карпатского хребта. Дорога на Петрошаны высечена в скалах, и машина всё время делает крутые повороты то вправо, то влево, то поднимается вверх, то спускается вниз. С одной стороны видишь только отвесную стену скал, с другой — крутой каменный обрыв, местами поросший кустарником, а чаще голый, с острыми выступающими углами. Внизу, взбивая пену, бежит быстрая горная река, а за рекой снова вздымаются скалы. Непрерывной цепью тянутся они, вписываясь в небо остриями громад.

Глядя на эти кручи, на хаотическое нагромождение скал, невольно проникаешься уважением к людям, построившим дорогу, по которой мы теперь едем.

Много лет, видимо, прошло с тех пор, когда впервые охотники и пастухи проложили здесь узкую тропку. Постепенно тропка расширилась: человек высекал в скалах террасы, строил дорогу, по которой можно было бы ехать верхом и в по-

возке. Так родилась эта узкая горная дорога, и сейчас по ней бежит автомобиль, построенный далеко от Румынии, на заводе в городе Горьком, на берегу многоводной Волги. Бежит «газик», пофыркивает на крутых подъёмах, осторожно, на тормозах, огибает скалистые выступы.

После одного из поворотов на другой стороне реки оказался мост, перекинутый через ущелье. Всмотревшись внимательнее, мы увидели чёрные отверстия туннелей в скалах, между которыми висел мост.

— Что это? Откуда такой мост в этих горах? — спросили мы у сопровождавшего нас товарища.

— Это железная дорога Лезевень — Бомбешти, одна из строек молодёжи демократической Румынии.

Трудно было представить себе, что в таких скалах можно пробить дорогу для поездов. Но наш проводник спокойно объяснял:

— Раньше уголь из Петрошанского

района возили окружными путями: сотни километров в объезд. Вот и решили сделать дорогу напрямик.

История этой дороги замечательна. Двадцать три года правительство королевской Румынии пыталось осуществить прокладку железнодорожного пути через дикие скалы. Составлялись проекты, начинались работы, королевские чиновники выносили решения, но всякий раз проект оставался неосуществлённым.

Когда Румыния стала демократической республикой, когда страна навсегда покончила с королём и его чиновниками, на штурм скал вышли молодые строители новой Румынии. Бригадир — так называют себя добровольцы-строители — были полны решимости пробить дорогу в скалах, перекинуть мосты через пропасти. И дорога была построена.

Сами горы сохраняют теперь славу строителей этой дороги. То и дело виднеются высеченные на скалах надписи — даты и лозунги, призывы к молодым рабочим и цифры итогов.

Один из участников стройки рассказал нам о том, что лучшие бригады носили здесь почётные имена: имя Сталинграда, имя Комсомола, имя Николая Островского. И часто, в трудные минуты, когда усталость сваливала людей, когда цель казалась недостижимой, бригадир вспоминали героических защитников Сталинграда, вспоминали комсомольцев — строителей далёкого советского города Комсомольска-на-Амуре, вспоминали образ замечательного писателя-большевика Николая Островского. И это прибавляло силы, отгоняло усталость.

Часто у костров в короткие ночи отдыха агитаторы читали вслух книги «Как закалялась сталь», «Мужество», «Молодая

гвардия». И бригадир учились у наших советских героев мужеству и настойчивости, выдержке и чувству коллективизма. На работе строители забывали об усталости, забывали об опасностях. Они снова, с ещё большей настойчивостью штурмовали горы. И если иногда приходилось работать, повиснув над пропастью или стоя по грудь в студёном горном потоке, вперёд выходили члены Союза трудящейся молодёжи. Их лозунгом было: «Работать так, как работают советские комсомольцы!»

За семь месяцев героического труда бригадир проложили железную дорогу. За семь месяцев! А королевское правительство за двадцать три года не проложило и километра.

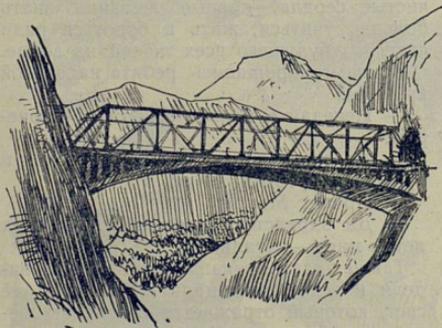
Теперь уголь из Петрошан идёт на заводы и фабрики новой Румынии самой короткой дорогой.

Мы ехали, и железная дорога то показывалась на той стороне реки, то исчезала за скалами, то уходила в чёрные дыры туннелей, чтобы снова появиться, пройдя сквозь гору, и перескочить через шумящий поток по длинноному железобетонному мосту. Дорога как будто рассказывала о себе, раскрывая перед нами чудесную повесть о большом труде тысяч людей, раскрывая перед нами пример великой славы наших советских тружеников, которая не знает границ, летит над миром и воодушевляет людей на подвиги.

После нескольких часов пути показался городок Петрошаны. Тесную долину со всех сторон обступили горы. Высоко поднималась вершина Мынды, одной из самых высоких гор Румынии. Рядом с Мындой теснились горы поменьше. На склонах зеленели горные пастбища, кудрявились тёмные леса.

Солнце заливало ярким светом и горы, и луга, и долину, и городок, сверкавший белыми постройками среди зелени садов. Редкие облака неподвижно висели, как белый мох, на склонах вершин, будто зацепились они, запутались в глубоких складках ущелий и, обессилев, остались доживать здесь свой недолгий век.

В нескольких местах среди лесов и лугов виднелись высокие мачты подвесной дороги. Как сказочные великаны, спускались они с гор, неся в железных руках толстые канаты. Вагончики ползли по канатам, везли уголь, везли лес для крепления шахт.

Узкая улочка привела к шахте.

— Нарок бун! — встречают нас шахтёры.

«Нарок бун» — по-русски «всего лучшего» — шахтёрское приветствие. С этим напутствием рабочие опускаются в шахту. Эти короткие мужественные слова шахтёры говорят друзьям, встречаясь под землёй и на улице.

На шахтном дворе паровозик толкает платформы, груженные углем. Один из шахтёров говорит:

— Теперь это для нас, для нашей Румынии. Сверх плана выдали!

Шахтёры столпились около большого щита с фотографиями лучших людей шахты. Их немало, этих людей, выдающих всё больше угля для своей родины.

Мы спускаемся под землю. Клеть, громыхнув, стремительно летит вниз и останавливается у главного штрека. В темноте огоньки шахтёрских лампочек кажутся яркими звёздами.

— Нарок бун! — снова слышим мы, ещё не видя говорящих, пока глаза не привыкли к темноте.

В забоях нас встречают сильные и ловкие в движениях шахтёры. Они улыбаются, и на тёмных от угольной пыли лицах блестят белки глаз, зубы кажутся ослепительно белыми.

И тут, под землёй, в бригадах, дающих по две — три нормы угля в смену, мы слышим знакомое советское слово «стахановец». И у шахтёров-стахановцев новой Румынии мы узнаём черты нарождающегося нового, того, что стало у нас в стране движущей силой в достижении великих побед.

После встречи с шахтёрами мы побывали у детей шахтёров. Ребята пришли на пионерский сбор в белых рубашках и блузках, с красными галстуками. Весёлые, загорелые, они принесли с собой в зал ощущение горячего южного солнца и свежести горных лугов. Задорные пионерские песни звенели и вырывались в открытые окна. Песню о барабане сменила песня советских пионеров «Мы весёлые ребята», потом опять румынская и снова советская песни.

На сборе нам пришлось отвечать на самые разнообразные вопросы. Ребятам хотелось узнать как можно больше о Советском Союзе, о советской школе, о наших пионерах. Они спрашивали о сборах отряда, о походах, о юннатах, спра-

шивали о Москве, о её улицах, садах, парках, о Кремле.

И вдруг по залу пробежал шёпот. Все о чём-то совещались, а потом сразу затихли.

Встал пионер Килеми Юлиу. Глаза у мальчика горели, взоры всего отряда были обращены к нему. По всему видно было, что Килеми хочет сказать о чём-то большом и важном. И он спросил:

— Вам приходилось видеть товарища Сталина?

Теперь все смотрели на нас. Всем хотелось услышать рассказ людей из страны, в которой живёт и работает вождь народов мира, услышать рассказ о самом мудром человеке.

С именем Сталина свободолюбивые народы мира одержали великие победы над врагами человечества — фашистскими поработителями. С именем Сталина пришла новая жизнь к миллионам труженников. Пришла она и сюда, в Румынию, принесла свободу румынскому народу, право на труд и на отдых, принесла детям румынских рабочих и крестьян радостное детство, право на учение, осветила гражданам Румынии дорогу в ещё более светлый завтрашний день.

С именем Сталина связано настоящее и будущее Румынии.

И вот мы снова и снова рассказываем нашим маленьким друзьям о великой сталинской заботе о детях, обо всём том, что создаётся в нашей стране по сталинскому плану.

До позднего вечера засиделись мы в гостях у ребят шахтёров. Пионерам без конца хотелось слушать рассказы о нашей великой стране, а нам не хотелось расставаться с этими чудесными ребятами, у которых такие ясные глаза, такие чистые сердца, полные желания знать больше, учиться, жить и бороться ради светлого будущего всех людей на земле.

Когда мы прощались, ребята наперебой кричали:

— Передайте привет советским пионерам!

— Да здравствует дружба советских и румынских ребят!

— Привет Москве!

— Да здравствует великий друг всех детей мира — Сталин!

Так и вдали от нашей Родины мы видели и всюду ощущали её величие, её свет, который отражается в сердцах людей и зовёт их к счастливому будущему.

НЕЗАБЫВАЕМАЯ ВСТРЕЧА

С. Маршак

Двух отличников — ребят
Школы пятисотой —
Взяли нынче на парад
В день аэрофлота.

Взял их папа на парад,
Усадил, как надо.
Оба рядышком сидят,
Ждут они парада.

Голоса гудят кругом,
И жужжат машины,
И бурлит аэродром,
Точно рой пчелиный...

Нет ни облачка с утра,
Ясный день хрустален.
Звонко грянуло «Ура!» —
Это вышел Сталин.

И тотчас же прямо ввысь
Самолёты понеслись!

Оглушительный привет
Прокатился громом.
Взвился сталинский портрет
Над аэродромом.

Над трибуной самолёт
Промелькнул ракетный.
Правнук этого пойдёт
В путь междупланетный.

Вот ещё промчался строй
Самолётов скорых.
Зегрелел воздушный бой
В голубых просторах.

Пролетели, как стрижки,
Тройки, одиночки,
Показали виражи,
Иммельманы, бочки.

Вот несётся с высоты
Парашиотов стая,
Словно пёстрые цветы
В небе расцветая.

Поздно кончился парад,
Расходиться стали,
И заметил двух ребят
У трибуны Сталин.

Крепко руки он пожал
Мальчику обоим
И успехов пожелал
Будущим героям.

Много дней и много лет
Будут помнить братья
Тёплый сталинский привет,
Взгляд, рукопожатье.

Целый месяц или два
Дома обсуждали,
С кем из мальчиков сперва
Попрощался Сталин.

Говорит один: — Со мной,
Помню я прекрасно!
— Нет, со мной! — твердит
другой —
Ты не спорь напрасно!

Кто был прав, а кто неправ,
Мальчики узнали,
Только снимки увидав
В вышедшем журнале.

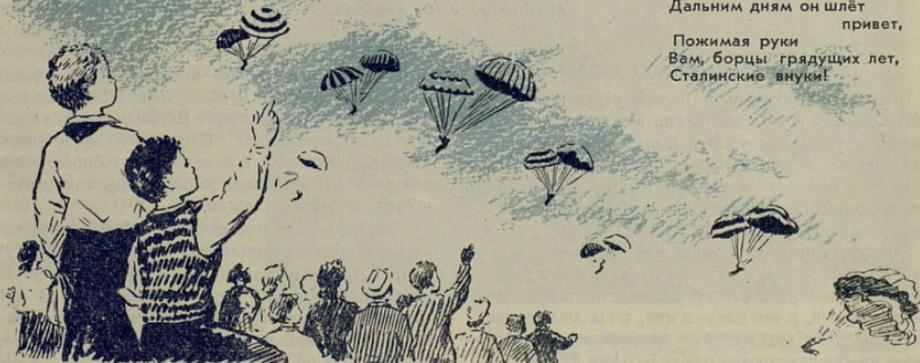
Поместил большой журнал
Два десятка фото.
А над ними написал:
«День аэрофлота».

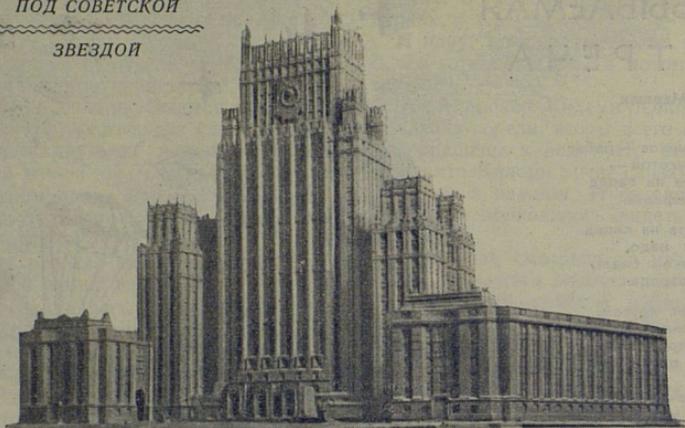
Стая лётчиков летит,
Мчится ряд за рядом.
За машинами следит
Сталин зорким взглядом.

Вот с трибуны он идёт,
Озарён закатом,
Вот он руку подаёт
Сразу двум ребятам.

Дальним дням он шлёт
привет,

Пожимая руки
Вам, борцы грядущих лет,
Сталинские внуки!

Это величественное здание уже строится на Смоленской площади в Москве.

По великому сталинскому закону живёт и крепнет наша могучая Родина. Советские люди твёрдо и уверенно строят коммунистическое общество. Труд на общее благо становится для советского человека необходимостью, делом родным, кровным. Исчезает грань между трудом физическим и умственным, стирается вековая противоположность между городом и деревней. Советский человек всё уверенней управляет природой. А всё это, вместе взятое, — зримые, осязаемые черты коммунистического общества.

Мы начинаем печатать рассказы советских людей о их труде, о том, как создается в нашей стране величественное здание коммунизма. Эти рассказы помогут тебе, наш читатель, понять и осознать, свидетелем каких изумительных превращений ты являешься. В этом номере журнала рассказано о том, как благоустраиваются наши города и сёла, как осуществляется сталинская забота о людях.

В наших городах и сёлах

Архитектор В. С. Андреев

СТАЛИНСКАЯ ЗАБОТА О ЛЮДЯХ

Быть архитектором в нашей стране — большая радость и большая честь. Каждый год в Советском Союзе вырастают новые города и сёла, возводятся огромные заводы и электростанции, строятся красивые и удобные жилые дома. И во всей этой гигантской стройке почётная роль принадлежит архитектуре.

Особенно интересно, когда возводишь здания на месте, где никогда ничего не было. Я часто вспоминаю свою первую работу. Много лет назад группе архитекторов, в том числе и мне, тогда ещё совсем начинающему архитектору, предложили разработать проект планировки города Большое Запорожье.

Я поехал осматривать место будущего города. Пустынные берега. Бурные днепровские пороги. Угрюмый остров Хортица. Неужели здесь когда-нибудь встанет город?! Я старался представить этот будущий город, а в голову настойчиво лезли казацкие курени Запорожской Сечи, так поэтически описанные Гоголем.

Вернувшись из этой поездки, мы с группой товарищей долго работали над проектом города.

Прошло ещё несколько лет, и днепровские пороги были затоплены. Вырос Днепрогэс, а на пустынных прежде берегах Днепра поднялся огромный, утопающий в зелени промышленный город, построенный по нашему проекту.

Днепрогэс... Он открывает длинный ряд тех заводов, электростанций, городов, гигантских зданий, которые выросли в годы сталинских пятилеток в нашей стране.

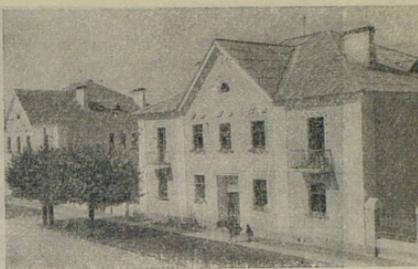
Да и старые наши города стремительно меняют своё лицо. В Москве и в других городах ещё сохранились старые дома, в которых жили раньше рабочие. Лежатся они тесно друг к другу, дворы у них, точно сырые, тёмные колодцы, потолки в квартирах низкие, окна подслеповатые. Во всю длину такого дома тянутся тёмные, узкие коридоры. А рабочие казармы! Я ещё помню на Красной Пресне бараки, в которых ютились семьи рабочих, отделённые одна от другой только ситцевой занавеской. Никто в те времена не задумывался над тем, чтобы эти жилища были красивыми, уютными и удобными.

А теперь на месте страшных казарм встали многоэтажные дома, разбиты сады и парки. И даже если бы нашёлся такой архитектор, который захотел бы строить по старинке — вот такую рабочую «казарму» с закутками или такой дом с тёмными бесконечными коридорами и маленькими окошками, — ему никто не позволил бы их строить, потому что у нас есть общие для всех технические условия, которым все архитекторы обязаны следовать. Строим ли мы рабочий посёлок или дом на центральной улице столицы, — всё равно, правила, выработанные для строителей, одни и те же: советским людям должно быть удобно и хорошо жить в новых домах.

Солнце... Много света... Воздух должен омывать дом со всех сторон... Дома располагаются на большом расстоянии друг от друга, чтобы и дворы и комнаты хорошо освещались, чтобы была большая, свободная площадь для сада и спортивных площадок. Комнаты надо располагать так, чтобы возможно было сквозное проветривание. Квартиры строятся изолированными, небольшие — для одной семьи. Высота потолка, величина окон, балконов, даже особые ящики для цветов, вмонтированные в подоконники, — всё это обдумывается и делается так, чтобы советский человек в каждой мелочи чувствовал заботливое отношение к себе строителей.

Каждый год тысячи рабочих переселяются в новые дома с газом, ваннами, лифтами, мусоропроводами, механическими прачечными при домах.

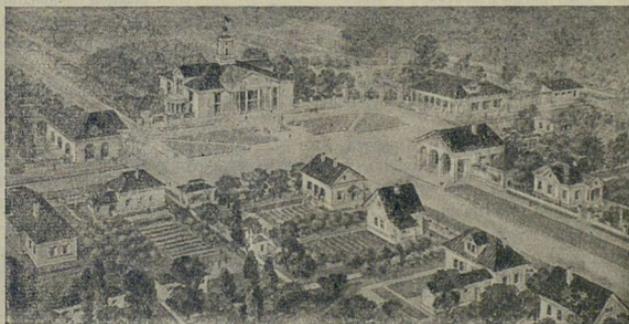
До революции архитекторы, строя дом, заботились только о фасаде, а сады, со

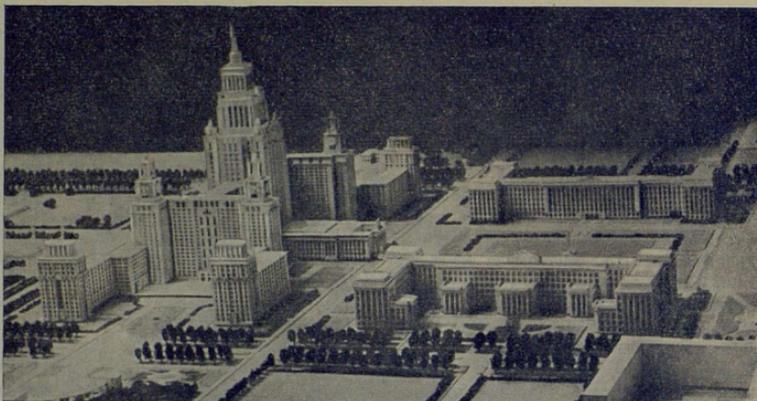
В этих новых удобных домах живут псковские строительные рабочие.

стороны двора, дом выглядел неряшливо, голо, неприбранно. Теперь во дворах новых домов разбиваются скверы, спортивные площадки, где ребята и их родители будут отдыхать в свободное время. Значит, архитектор должен заботиться о том, чтобы новый дом имел красивый вид не только с улицы, но и со двора. Таких домов уже много построено в Москве. А недалеко от посёлка Сокол, на Песчаной улице, на глазах у всех выросла целая улица красивых новых домов. Тут есть доля и моей работы, я и архитектор Кислова проектировали и разрабатывали архитектуру фасадов этих домов.

Теперь уже каждому ясно, что без архитектурного плана не могут строиться города. Но без архитектора теперь не обойтись и в сёлах. Нам, архитекторам, поручают проектировать колхозные сёла. По плану намечаются улицы, строятся просторные и уютные дома колхозников, окружённые садами и палисадниками, проводится водопровод. В каждом новом селе проектируется свой стадион, большое парадное здание клуба с кинозалом, красивое здание сельского совета, образцовая боль-

Здесь вы видите макет колхозного села. Впереди на площади — здание клуба, слева — правление колхоза, справа — гостиница и почтовое отделение.

Так будет выглядеть новое здание университета на Ленинских горах.

ница, школа со спортивной площадкой и садом, детский сад и ясли, гаражи, электростанция. А там, за селом, фермы, здание МТС, зернохранилище, хранилище для овощей, лаборатории. Так меняется облик наших городов и сёл.

СТО ТРИДЦАТЬ СЕМЬ ЭТАЖЕЙ В ВОСЬМИ ДОМАХ

Два года назад, в день, когда тысячами огней были обведены строгие контуры московского Кремля и с неба, как гигантские фонтаны, били цветные ракеты, на Смоленской площади установили камень с высеченной на нём надписью: «Здесь будет сооружено высотное здание. Заложено 7 сентября 1947 года, в день 800-летия Москвы».

А сейчас уже возвышается кружевной, воздушный на взгляд, а на самом деле могучий металлический каркас весом в пять тысяч двести тонн. Далеко видны освещённые огнями гигантские башенные краны, которые день за днём поднимают всё выше металлические перекрытия будущей гостиницы.

День и ночь идёт здесь работа. Уже облицовываются серым гранитом нижние этажи, и грузовики подвозят керамические блоки, которыми будет облицовано всё здание.

К 1952 году в Москве будут построены восемь высотных зданий совершенно новой, оригинальной конструкции. Они совсем не будут походить на американские небоскрёбы, неуклюжие и мрачные. Там, в Америке, небоскрёбы стоят, как скальные серые утёсы, зажатые в узких ущельях улиц. Наши высотные дома будут возвышаться на

широких площадях, со всех сторон открытые солнцу. По стилю они будут связаны со всем архитектурным обликом нашей столицы и её центром — Кремлём.

Высотные здания не могли проектировать одни архитекторы, потому что в них много чисто инженерных конструкций. Поэтому наряду с архитекторами в разработке каждого такого дома участвовали и инженеры. Всем авторам проектов высотных зданий — и архитекторам и инженерам — присуждено звание лауреатов Сталинской премии.

В доме на Смоленской площади, как уже говорилось, будет гостиница. На Галанчёвской улице, близ трёх вокзалов, куда ежедневно прибывают десятки тысяч людей, будет построена семнадцатитрёхэтажная гостиница, на Дорогомилдовской набережной — двадцатипятиэтажная гостиница. Вес стального каркаса этого здания 6760 тонн.

Два высотных дома — на площади Восстания и у Красных ворот — отводятся под жильё. Здесь будут квартиры со всеми современными удобствами, со своей телефонной, радио- и осветительной установками, со сложной системой отопления и лифтом. В Зарядье, у Красной площади, будет сооружено тридцатидвухэтажное здание, где будут размещены несколько министерств.

Через четыре — пять лет вы, ребята, окончите школу. Многие из вас приедут в Москву, будут учиться в Московском университете. К этому времени на берегах Москвы-реки, на Ленинских горах, вырастет новое здание университета.

Уже сейчас на крутом берегу реки видны стальные перелёты каркаса главного здания уни-

верситета. Университет будет, пожалуй, самым обширным и величественным из всех высотных сооружений Москвы. Нынешний университет занимает всего четыре гектара. Под новый университет отведено сто шестьдесят гектаров. На этой площади будут расположены: главное здание, в котором разместятся сто двадцать пять аудиторий, двадцать три лекционных зала, книгохранилище, библиотека, читальные залы и спортивный зал с бассейном.

В боковых корпусах здания будут общежития. Общежитие для студентов состоит из шести тысяч комнат; каждая комната с телефоном, с горячей и холодной водой, с лампами дневного света.

Возле университета будет разбит ботанический сад, где студенты смогут проводить практические занятия. Тут же, в парке, свой, университетский, стадион на двадцать пять тысяч зрителей и обсерватория. Парк будет террасами спускаться к реке. Фонтаны, беседки, статуи великих учёных — всё это придаст университету нериданную ещё красоту и сделает его одним из лучших украшений нашей столицы.

Проектирование и постройка высотных зданий столкнула архитекторов и конструкторов с совершенно новыми областями в строительной технике. Например, защита от молнии. Во время грозы такое высокое здание, да ещё из металлических конструкций, будет неизбежно притягивать к себе молнию. И действительно, известно, что молния ударяет в самый высокий ньюйоркский небоскрёб не менее десяти раз в год.

Как же обезопасить наши высотные здания от ударов молнии? Этим вопросом занялись наши учёные. Они разработали сложную систему заземления всего каркаса здания. Благодаря этому молния не причинит зданию никакого вреда.

В Америке капиталисты не слишком заботятся о тех, кто будет жить в их небоскрёбах, их не вол-

нует ни грозозащита, ни то, что при сильном ветре небоскрёб качается, как корабль в бурю. В ветреную погоду — а наверху даже в тихую погоду есть ветер — здание раскачивается на 75 сантиметров, и жители верхних этажей чувствуют себя весьма неуютно.

Советские архитекторы при постройке нового дома прежде всего заботятся об удобствах тех, кто будет населять этот дом, — о наших советских людях. Поэтому архитекторы и конструкторы много думают над тем, как уменьшить колебания высотных домов. Они создали специальные оконные рамы из алюминия. В домах будут особые двойные стёкла — это уменьшит силу воздушных течений и ослабит их давление на дом.

В высотных домах будет поддерживаться зимой и летом одинаковая температура воздуха, они будут освещаться лампами дневного света, будут иметь свою телефонную и радиосвязь, — все эти вопросы и много других решили архитекторы и инженеры-строители, создавшие проекты этих домов.

Объединение инженерии и архитектуры даёт возможность строить дома быстро и хорошо. Промышленность пришла на помощь архитектуре. Теперь на строительной площадке здание собирается из деталей, изготовленных на заводах и привезённых на площадку уже в готовом виде. Вот почему новые здания растут не по дням, а по часам.

ТРУД НА БЛАГО РОДИНЫ

В нашей стране не один архитектор заботится о новом доме: о нём заботятся и каменщики, и штукатуры, и резчики, и лепщики, и столяры, и монтажники. Все, кто участвуют в стройке, стараются как можно лучше и быстрее выполнить свою работу. Все они хотят, чтобы люди, которые будут жить и работать в новом доме, добрым словом поминали его строителей.

Вот совсем недавно по моему проекту в Москве, на улице Горького, рядом с Московским Советом, построен новый дом. Это было очень трудное дело — создать такой дом, который составлял бы общее целое с классическим зданием Московского Совета и всеми другими зданиями центральной улицы нашей столицы. Большинство домов в этой части улицы уже построено. Своему дому я старался придать stolичный парадный вид, не вырывающийся из общего стиля улицы. А русский классический стиль отличают строгие, спокойные линии, неотячелённые излишними деталями.

Новый дом на улице Горького, рядом с Московским Советом.

Героический Сталинград восстанавливается. Здесь вы видите дом на улице Ленина, построенный по проекту архитектора И. Е. Фиалко.

Ещё в самом начале стройки каменщики, выкладывавшие стены, попросили показать им чертежи дома и его фотографию в окончателъном виде. Они долго и внимательно рассматривали проект: советские люди по-хозяйски относятся к своему делу, и им совсем не безразлично, что и как они строят. Знаменитый штукатур коммунист Иван Кутенков применил на строительстве этого дома новый способ штукатурных работ, и этот метод, во много раз ускоривший строительство, теперь переняли штукатуры всей нашей страны.

В этом доме было много лепной работы. Лепщики Жуков, Каюков и Зыков с сыном художественно отделывали капители, розетки и другие лепные элементы фасада. Кроме этих мастеров работали ребята из ремесленного училища номер шестьдесят четыре. Лепщики с большой старательностью собирали и монтировали карнизы и капители и часто вызывали меня, чтобы я оценил их работу. Гранитчики и вовсе оказались азартными и страстными людьми: они «болели» и «страдали» за каждый камень. Во главе гранитчиков был опытный мастер Майоров, но основное украшение гранитной облицовки — акантовые листья — делали ребята, ремесленники. Это очень сложная работа — высечь из гранита такую деталь: ведь каждый акантовый лист имеет 1 метр 24 санти-

метра высоты и 70 сантиметров ширины. Словом, все, начиная от начальника строительства инженера Генделя, вплоть до полотёров и уборщиц, которые наводили блеск в доме, с волнением следили за строительством этого дома и делали всё, чтобы построить его скорее и лучше.

СТОЛИЦА СТРАНЫ СОЦИАЛИЗМА

Дом на улице Горького предназначен не для жилья, а для Министерства городского строительства. Здесь будет разрабатываться план дальнейшей реконструкции Москвы. Наверху под круглым куполом помещается макетный зал, в котором будет стоять макет Москвы. На этом макете каждый сможет увидеть, какой была Москва и какой стала, что ещё нужно в ней построить и какой изумительной она станет, когда полностью будет осуществлён великий план реконструкции.

Огромен и величествен стalinский план реконструкция Москвы. Москва, расположенная на семи холмах, и сейчас поражает своей красотой. Но после реконструкции это будет красивейший город на земле.

В будущей пятилетке все подходы и подъезды к Москве будут озеленены. Вокруг Москвы создаётся зелёное кольцо из дачных посёлков нового типа. С каждым годом зона зелёных насаждений будет всё расширяться. Расширится и Центральный парк культуры и отдыха в сторону Ленинских гор и нового университета. В Останкине будет новый ботанический сад. Будет разбито много новых парков и скверов, проектируется много новых стадионов и в их числе один в Центральном парке, другой — грандиозный — в Измайлово. В такой столице, как Москва, маленькие дома строить не имеет смысла: они занимают ту же площадь, что и большие, многоэтажные, но квартир в них мало. Пускать лифт на пять — шесть этажей невыгодно. Поэтому в Москве будут строиться высокие, главным образом десятиэтажные здания с просторными озелёненными дворами.

В ближайшие годы все вы, ребята, будете заниматься в школе с утра: будет выстроено столько школ, что занятия будут идти только в одну смену. Новые школы будут просторные, с лабораториями, библиотеками и читальными, с большими залами, где можно собираться всей школе. В каждой школе своя спортивная площадка и собственный школьный сад.

Пройдёт ещё несколько лет, и вся наша страна будет украшена садами и новыми, прекрасными зданиями для советских людей, живущих в великую сталинскую эпоху.

ИМЕНИ СТАЛИНА

Когда советский народ праздновал седьмую годовщину Великой Октябрьской революции, вместе с колоннами трудящихся Москвы по Красной площади, один за другим, торжественно прошли перед трибунами десять полуторатонных грузовиков...

Это были первые автомобили, построенные в нашей стране. Вот почему 7 ноября 1924 года — день, когда эти машины впервые вышли на улицы столицы, — считается днём рождения Автомобильного завода имени Сталина.

С того памятного дня прошло четверть века. Многие изменилось за эти годы. И если бы в наши дни первые советские грузовики встали в ряд с теперешними мощными красавцами «ЗИС», они показались бы вам очень несовершенными машинами.

Ещё больше поразилась бы вы, если бы вдруг, чудом, перенеслись на 25 лет назад и заглянули в цеха завода, на котором создавались эти автомобили. Вы увидели бы низкие, мрачные корпуса... Вращающиеся валы трансмиссий под потолком, ряды универсальных токарных, строгальных и фрезерных станков с длинными ремнями приводов... Между станками груды металла, стружки железного лома, у закопчённых окон деревянные верстаки, почерневшие от машинного масла.

У станков, ловко орудуя маховичками управления, искусные мастера точат болты, пальцы, кольца, время от времени измеряя детали циркулями и нутромерами. Склонившись над тисками, у верстаков, опытные слесари вручную, напильниками и шаберами, обрабатывают заготовки, заботливо приговяют друг к другу детали будущего автомобиля. Они то и дело поглядывают на чертежи, прикладывают к детали шаблоны и, вынув заготовку из тисков, ощупывают её умелыми руками и подолгу разглядывают на свету острым, наметанным глазом, определяя точность работы.

И вот, наконец, готова деталь. Старательно обтерев её ветошью, ещё раз оглядев и ощупав со всех сторон, рабочий несёт её туда, где собирают машину.

А там, точно пчёлы вокруг матки, сгрудились вокруг остова будущего автомобиля одетые в

Во дворе Завода имени Сталина.

замасленные спецовки люди. Один, присев на корточки, разводным ключом закручивает гайку на тормозной тяге, другой, лёжа на спине под задним мостом, отвёрткой завинчивает какой-то винт, третий, навалившись грудью на дрель, сверлит отверстие в раме.

Так делали грузовики 25 лет назад...

Медленно шла работа в то время на первом советском автозаводе, и всё-таки каждую неделю выезжали из его ворот два — три новых грузовика.

Были те грузовики капризными и не очень прочными, не очень сильными, но «прожорливыми», и всё-таки советский народ с благодарностью вспоминает автомобили «АМО-Ф-15» (так назывались эти машины) и людей, которые их строили.

Для нас, инженеров, эти несовершенные грузовики были первой ступенью сложной школы автостроения.

ЗАВОД-ВЕЛИКАН

Ничего похожего на старый завод АМО не увидит человек, попавший к нам, на Завод имени Сталина.

Наш завод — это целый город с широкими прямыми улицами и переулками, с площадями, залитыми асфальтом, с многоэтажными домами, со своей телефонной станцией... По улицам торопятся легковые ма-

шины, покрывают паровозы, осторожно ведущие поезд, из цеха в цех бесшумно бегают тяжёло гружённые юркие электротележки... А на товарном дворе, пофырывая моторами, то и дело ставятся в ряд всё новые и новые автомашины.

Построенный в годы первой пятилетки по прямому указанию товарища Сталина, этот город и есть тот завод, где рождаются мощные грузовики, комфортабельные автобусы и роскошные легковые автомобили с заводской маркой «ЗИС». Некоторые цехи занимают целые районы этого города. Снаружи они совершенно непохожи на цеха полукустарного завода АМО, но ещё больше отличаются они своим внутренним видом.

Никаких приводных ремней давно уже нет на больших советских заводах. На каждом станке стоит индивидуальный привод — свой отдельный электромотор. Рабочий нажимает кнопку — и станок послушно начинает работать...

Но не только трансмиссии изгнаны из цехов нашего завода, а и все ручные слесарные инструменты перекочевали в инструментальные цехи. И отсюда, из инструментальных цехов, выходят в производственные цехи новые, невиданные инструменты.

Это и понятно: ведь в те времена, когда за весь год нужно было сделать сотню каких-нибудь валиков да столько же других валиков, чуть потоньше и покороче, нелепо было бы ставить на это дело несколько станков. Проще и целесообразнее было поставить опытного мастера, который на одном и том же станке выточит и те и другие детали.

Другое дело, когда этих валиков нужно десятки тысяч...

Тут удобнее и выгоднее поставить на изготовление каждой детали раз навсегда налаженный станок-автомат. Такой станок сам выполнит нужную работу, и рабочему, наблюдающему за таким станком, остаётся только следить за тем, чтобы у станка всегда был запас заготовок.

Там, где нужна высокая степень точности, выгоднее поставить не один, а целый ряд станков, которые последовательно «доводят» деталь до нужного размера.

Вот поэтому вместо похожих друг на друга универсальных станков в механических цехах нашего завода установлены целые линии токарных, сверлильных, строгальных, фрезерных и шлифовальных станков.

Некоторые из этих станков, проделав всего одну несложную операцию, проточив, например, узенькую канавку на детали, спешат передать её соседнему станку для дальнейшей обработки. И деталь бежит от станка к станку, сама послушно становится на обработку, сама, когда нужно, освобождается из зажимов, сама безошибочно находит дальнейший путь. И так она пробе-

гает порой через десятки станков, и на всём её пути к ней ни разу не прикасается рука человека.

Другие станки, захватив деталь в зажимы сразу с трёх-четырёх сторон, возносят в неё сверла, и серая, некрасивая отливка выходит из такого станка готовой деталью будущего автомобиля со всеми нужными отверстиями для болтов, с тонкими сквозными каналами для смазки, с выемками для подшипников, с гладкими поверхностями, к которым точно придется соседние детали.

ЕДИНЫЙ ПОТОК

танки эти на первый взгляд представлены без плана, в беспорядке. Но стоит только приглядеться к их работе, стоит разобраться в сложных путях, которые должен пройти кусок металла, прежде чем он становится одной из частей автомобиля, чтобы понять, как экономно использован здесь, в цеху, каждый метр площади и как продуманно выбрано место для каждого «солдата» многотысячной армии станков автозавода.

Всё здесь рассчитано так, чтобы работа шла непрерывным потоком, чтобы каждая деталь была сделана дешево, быстро, точно, во-время и оказалась на нужном месте.

Вот, к примеру, обыкновенный небольшой болт. Его скромная задача — соединить концы хомутика, сдерживающего листы рессоры.

Когда-то болты вроде этих точили на токарных станках. У нас на заводе они делаются из толстой стальной проволоки.

Перехода от станка к станку, заготовка превращается в болт. Готовый болт попадает как раз туда, где ждёт его собранная из стальных листов рессора. Болт без всякого усилия входит в заранее подготовленное для него отверстие и вместе с рессорой отправляется дальше.

Тут ждёт их новая встреча — с гайкой. Таких гаек нужны сотни тысяч. Они идут не только на рессоры: по всему заводу растекаются потоки этих гаек, но те из них, которые нужны для сборки рессоры, заканчивают здесь свой самостоятельный путь: болт и гайка вливаются

Автобус «ЗИС-154»

в поток рессоры. Но и рессоре недолго осталось течь по своему руслу. Вот совершенно готовая, в паре с другой, такой же рессорой, она впадает в поток заднего моста автомобиля. Каждая из рессор прочно становится на своё место и путешествует дальше по новому руслу, в которое впадают ручки подшипников, дисков, предохранительных колпаков, до тех пор, пока задний мост, обросший всеми необходимыми деталями, сам не попадёт на главное русло — на ленту главного конвейера.

Три с лишним тысячи ручейков со всех концов огромного завода сливаются в один мощный поток, кончают здесь свои сложные, извилистые пути, и отсюда, с конвейера, на заводской двор выходят готовые грузовики с бензином в баках, с маслом в картерах, с водой в радиаторах, с воздухом в шинах, грузовики, которым нехватает только номерного знака, чтобы сию же минуту приступить за работу...

Главный конвейер похож на сказочную реку, на которой прямо на глазах поднимаются чудесные корабли-автомобили. А по берегам этой сказочной реки стоят люди, и каждый из них делает своё маленькое, но очень нужное дело. Один положит на ленту деталь, другой наденет пружину, третий поставит болт, четвёртый кладёт рядом гайку. Уж мог бы, кажется, и навернуть её? Нет, навёртывает другой, да и то не до конца, и только третий затягивает её электрическим гайковёртом.

Сначала кажется, что это лишнее — так дробить работу. Но когда приглядишься, становится ясно, что здесь и нельзя по-другому: провозишься с одной гайкой и сразу собьёшься с того чёткого ритма, который управляет движением большого конвейера.

Конвейер работает точно, как часы. Только так он и может работать. Стоит одному из бесчисленных ручейков иссякнуть, оборваться — и сразу разладится весь этот чёткий порядок; где-то на слипании ручейков нехватит одной какой-нибудь детали — и сразу остановится весь поток.

Вот поэтому всё здесь сделано так, чтобы нигде ни на секунду не прерывалось течение всех этих бесчисленных ручейков и потоков.

Никому не приходится искать инструмент: он всегда лежит на определённом месте, а ещё чаще

Сборка грузовиков на главном конвейере.

висит так, что даже не нужно тянуть за ним руку. Никому не приходится вручную поднимать тяжёлые части: их подхватывают и переносят куда нужно всегда готовые к услугам электрические подъёмники, краны и «кошки». Стоит произойти незначительной заминке — станок сразу останавливается, на диспетчерском пункте зажигается красная лампочка, и к месту аварии сейчас же спешат опытные наладчики, чтобы устранить неожиданную остановку.

Сюда, на диспетчерский пункт цеха, как на командный пункт полка во время боя, сходится донесения-сводки: там подходит к концу материал, там станки пора ставить на чистку, там инструмент износился.

От диспетчера сводки идут дальше, к начальнику производства всего завода. Он, как генерал, принимает решения, отдаёт приказы и командует сражением за хороший, дешёвый советский автомобиль.

А рядом в просторных залах, склонившись над чертежными досками и сложными таблицами, работают конструкторы и технологи. Они создают новые марки будущих, ещё более совершенных автомобилей, изобретают новые инструменты, рассчитывают новые автоматические линии станков...

Грузовик «ЗИС-150».

Ещё одна гайка — и легковая машина «ЗИС-110» выйдет из цеха.

сё так продумано, всё так рассчитано на заводе, что кажется, лучше уж нельзя организовать работу. Но рабочие и инженеры автозавода не успокаиваются.

Каждый день появляются новые приспособления, новые способы работы, новые приёмы, позволяющие работать ещё лучше, ещё точнее, ещё быстрее. И короткие секунды, сбережённые на бесчисленных операциях, слагаясь вместе, создают часы сбережённого времени.

Есть люди на автозаводе, которые, как пресовщица Мария Ивановна Кузнецова, выполнили уже программу двух пятилеток. Есть стахановцы-комсомольцы, которые, как Шура Белова и Нина Васильева, научились работать за восьмь-рых. Есть целые отделения, которые, как отделение Полины Антоновны Иванушкиной, выполнили план 1950 года...

Всё шире и шире применяется на заводе опыт лауреата Сталинской премии Александра Сметанина (в его бригаде всего три человека выполнят работу двадцати трёх человек) и опыт знатного кузнеца, депутата Московского Совета Михаила Ушкалова, которого в работе не обогнал ещё ни один кузнец в мире.

Каждый день эти люди и многие другие находят новые пути, новые решения бесчисленных задач, стоящих перед ними, и то, что вчера казалось невозможным, сегодня становится обычным на нашем заводе.

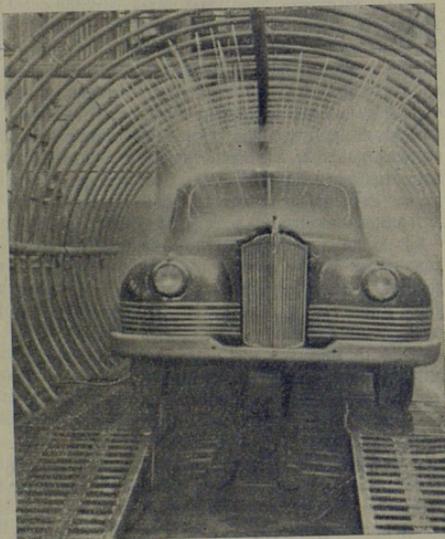
Год за годом растёт количество советских автомобилей. Год за годом растут и ряды строителей автомобилей, растут новые заводы, появляются новые марки машин. И, проходя по широким улицам нашего завода, мы часто повторяем слова великого Сталина, написанные на фасаде одного из наших пехов:

«У нас не было автомобильной промышленности. У нас она есть теперь».

И мы все горды сознанием того, что машины, созданные нами, хорошо служат трудовому народу.

Г. Феста,

начальник конструкторского бюро грузовых автомобилей, лауреат Сталинской премии.

Прежде чем выпустить машину, её подвергают строгому экзамену. Здесь показаны испытания на водонепроницаемость.

Легковой автомобиль «ЗИС-110».

О НАШЕЙ ЛЮБИМОЙ РОДИНЕ

Стихи и рисунки, которые здесь напечатаны, прислали ребята. И хотя они никогда друг друга не видели, — в их произведениях много общего. Все они говорят о глубокой любви наших детей к товарищу Сталину, о том, как радостно жить в Советской социалистической стране.

Сталинская Конституция

Мы избираем в депутаты
Своих вождей, учителей,
Колхозниц, лётчиков, солдат,
Советских преданных людей.

Земля, леса, колхозы, воды
Для жизни нам теперь даны.
Ведь это собственность народа,
Ведь это собственность страны.

Учиться мы имеем право.
Глядим вперёд и любим труд.
Закону сталинскому славу
Народы нынче воздают.

Свет в горах

Стоят угрюмые вершины
И смотрят вниз издалека,
Как мчится быстро по долине
Большая горная река.

С веселым пением и гулом
Она бурлит, летит вперёд,
Но у цветущего аула
Ей преграждает путь народ.

Он строит крепкую плотину
И свет проводит в города,
В аулы, в горные долины,
Где не горел он никогда.

Вова Никифоров,

7-й класс, 661-я школа, город Москва.

Строительство новой дороги.

Рис. Анвара Салахудинова,
Узбекская ССР.

Праздник

Красный флаг в окне полощется.
Солнце светит прямо в сад.
У Кремля, на Красной площади,
Сталин смотрит на парад.

Пролетают в небе лётчики,
Скачет конница вперёд.
На тачанках — пулемётчики,
Моряков шагает взвод.

Санитары, пограничники,
Пехотинцев длинный ряд —
Это Родины защитники.
Вот и кончился парад!

А теперь пошли рабочие,
Сталевары, мастера,
Зоотехники и зодчие,
Инженеры, доктора.

И народ весёлый движется
Под часов кремлёвских звон.
Люди держат — это вижу я —
Сотни, тысячи знамён!

Знамя с знаменем сплетается,
Как цветы, цветы весны!
Сталин смотрит, улыбается:
«Вот какая мощь страны!»

Ира Дмоховская,
6-й класс, 329-я школа,
город Москва.

Колхозница.

Рис. Мани Петровой,
Московская область.

В подарок СТАЛИНУ

Это не живые цветы — этот букет вырезан из берёзы учеником Московского художественного ремесленного училища № 65 Петром Чувелёвым.

В свободные дни Петя выезжал за город, внимательно вглядывался в каждый красивый цветок, который находил в поле, и терпеливо старался передать в дереве его живую красоту.

Нужно много упорства, много умения, много мастерства, чтобы справиться с такой трудной работой. Петя вырезал каждый цветок с огромной любовью, потому что он решил послать этот букет в подарок товарищу Сталину.

Теперь работа Пети находится в Москве, в Музее Революции, в зале подарков товарищу Сталину.

День авиации

Над головою слышен рокот:
Моторы в воздухе гудят.
Ведут отважные пилоты
Свои машины на парад.

Они летят, сверкая сталью,
Облиты яркой синевой.
И возникает слово СТАЛИН
Высоко в небе над Москвой.

Его несут с собой на крыльях
Машины, выстроившись в ряд;
Незабываемое имя
Отца, учителя, вождя.

А на земле на это смотрит
Народ, собравшийся с утра,
Кричат и взрослые и дети:
«Родному Сталину ура!»

Зина Серёгина,

7-й класс, 3-я Перовская женская школа,
Московская область.

Москва моя, ты самая любимая.

Рис. Саша Бубнова
город Москва.

КИТАЙСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Ещё не так давно у китайских детей не было детских книжек, и они не могли читать сказок с красивыми, яркими рисунками, какие издаются и пишутся для советских ребят. В школе китайские дети твердили наизусть непонятные им книги для взрослых, и только дома бабушка или дедушка рассказывали им сказки, да иногда мать, раздобывшись, давала медяк и отсылала к слепому сказителю на улицу, где под мерные удары барабана ребята слушали напевные рассказы о народных героях или старинные предания.

Описывая своё детство, великий китайский писатель Лу Синь с особой любовью останавливался на том, как его няня Ачан рассказывала ему сказки про разбойников-повстанцев и как однажды она купила ему книжку с картинками, где были нарисованы звери с человеческими лицами, змеи с девятью головами и тому подобные чудеса. Когда Лу Синь стал писателем, то, помня своё тоскливое детство, он не раз писал о том, что китайским детям нужны хорошие книги с правдивыми яркими картинками. Но до образования Китайской народной республики большинство детей в Китае оставалось неграмотными, и только теперь у них будут и школы, и игрушки, и детские книги.

Сказки, которые вы тут прочтёте, записывались разными людьми совершенно случайно. Некоторые из этих сказок недавно были собраны безработным учителем, который ходил по деревням и записывал их со слов сказителей. Другие нам известны из старинных сборников народных рассказов или народных романов, записанных писателями. Из этих сказок видно, как насмеялся китайский народ над советниками императора — мудрецами, — умнее которых оказался простой деревенский мальчишка, и как стремился народ к образованию.

Л. Позднеева

В старом, гоминдановском Китае 90 процентов населения не умело ни читать, ни писать. В освободённой китайской деревне все учатся грамоте.

Лубок художника Дан Шу.

Почему солнце всходит и заходит

Много-много лет тому назад жил в Китае знаменитый охотник, которого звали Стрелок II. Он охотился на мелкую дичь — на птицу, на зайцев, на лисич. Ходил и на крупного зверя — на медведей, кабанов, барсов. Охотник II стрелял так метко, что никогда не смотрел, попал ли он в цель. Пустив стрелу, он хлестал кося и мчался вслед за стрелой, и она неизменно настигала добычу. Во всей Поднебесной не было равного ему стрелка. Лишь его ученик Фын Мын мог сразиться с ним. И когда они издали стреляли друг в друга, металлические наконечники их стрел со звоном и искрами сталкивались в воздухе. Но даже Фын Мын не обладал искусством ловить ртом и перекусывать стрелы врагов, как это умел делать стрелок II.

Но вот однажды над Поднебесной разразилась страшная беда. На небе сразу появилось десять солнц. Десять светил палили нещадно и днём и ночью. Вся трава, все растения погорели, а люди и звери задыхались от жары.

Охотник II видел бедствие, которое принесли народу эти светила, и стал думать, как избавиться от них. Он взял свой самый крепкий лук из чёрного дерева, наложил на него сразу десяток стрел и стал пускать одну стрелу за другой, да так быстро, что казалось, он выпустил только одну стрелу. В воздухе стоял непрерывный свист. Но на самом деле стрелы летели веером и каждая стрела поразила одно солнце. Так застрелил он девять светил.

А десятое солнце в страхе закатилось за заросли бамбука. На земле вдруг стало темно и холодно. Испугался стрелок II, что не оставил ни одного солнышка на небе. Пожалел, что некому теперь будет согреть землю, и горько задумался над новой бедой.

Последнее солнце между тем подумало, что стрелок ушёл, осторожно поднялось и выглянуло над землёй. Тут оно увидело стрелка и в страхе снова закатилось. Стрелок II обрадовался, что хоть одно солнце осталось, собрал свои стрелы, взял свой лук и ушёл.

Но с тех пор бедное солнце всё ещё боится стрелка. Взойдёт оно на востоке, посветит немного и снова спрячется на западе. С той-то поры пошло разделение суток на день и ночь.

Перевела Л. Позднева

Как взвесить слона

Много-много лет тому назад жил в Китае могущественный военачальник по имени Тяо Цзян. Огромная армия подчинялась одному движению его руки.

Однажды Тяо Цзяну подарили огромного слона. Животное это было большой редкостью в те дни. Каждый, кто его видел, изумлялся. Сам Тяо Цзян был поражён размерами великана. Он задумался, сколько же весит такой слон. Созвал Тяо Цзин своих важных мудрецов и советников и сказал:

— Я, видите ли, в затруднении. Хочу спросить вашего совета, как взвесить слона.

Мудрецы с сомнением посмотрели друг на друга. Стали думать. Думали целый день до вечера, утомились и попросили у Тяо Цзяна отсрочку. Отправились по домам и думали всю ночь. А наутро пришли во дворец.

— Ну как, придумали? — спросил их Тяо Цзин.

— Придумали! — хором ответили мудрецы.

Затем самый важный и самый толстый из них выступил вперёд, открыл большую книгу и начал читать. Тяо Цзян слушал, закрыв глаза.

— Во всём Китае нет таких больших весов, чтобы взвесить слона, — важно читал мудрец, и Тяо Цзин кивал головой в знак согласия. — Поэто-

му, — продолжал мудрец, — совет мудрейших из мудрых решил: чтобы взвесить слона, нужно разбить его на сто кусков, взвесить каждый кусок в отдельности и полученные числа сложить!

Тяо Цзян открыл глаза, подпрыгнул от гнева и закричал:

— Неужели мудрейшие из мудрых не могли придумать ничего глупее? Неужели во всём Китае нет человека, который знает, как взвесить слона?

— Я знаю, как взвесить слона! — раздался вдруг тоненький голосок.

Это был Дин Ли, маленький сын садовника, который принёс фрукты.

Все присутствующих удивило такое бахвальство.

— Как же ты хочешь это сделать? — спросил Тяо Цзян.

— Очень просто! — ответил мальчик. — Вы только поставьте слона в большую лодку и заметьте, насколько она погрузилась в воду. Потом сведите слона на берег и бросайте в лодку камни. Когда лодка погрузится на такую же глубину, останьтесь. А потом взвесьте все камни поодиночке и сложите числа. Так вы узнаете вес слона.

— Удивительно! Прекрасное решение! — сказал Тяо Цзян.

А толстые и важные мудрецы и советники со стыдом удалились.

Так Дин Ли, сын простого садовника, посрамил придворных мудрецов.

Перевела Р. Чернова

Упорный Дин Су

Когда-то жил близ Фучжоу маленький мальчик по имени Юн Су. Отец его умер. Остался он один с матерью. В доме у них было бедно и пусто. Иной раз нельзя было найти даже горсточку риса.

Пришло время Юн Су учиться. А у него не было ни бумаги, ни туши, ни кисточки для письма. Однако Юн Су твёрдо решил: «Буду учиться!» И стал придумывать, как обмануть нужду. Он пришёл к богатому соседу и сказал:

— Я слышал, вы ищете работника в дом. Возьмите меня. Лет мне немного, это правда, да ведь я много и не прошу! Позвольте мне лишь изредка посмотреть, как учатся ваши сыновья. И я буду доволен.

Богач обрадовался: бесплатный работник пришёл! И согласился.

С утра до вечера трудились Юн Су в доме богача. Всю тяжёлую работу оставляли ему. Но зато Юн Су мог изредка заглядывать в книги, по которым учились дети хозяина. А иногда удавалось прослушать и целый урок. Придёт учитель, а Юн Су спрячется в угол и слушает. Так и учился. Через год начал уже сам разбирать слова. Но вот беда: писать ему не на чем было. Задумался Юн Су: как тут быть? И придумал.

Жил Юн Су со своей матерью в маленьком домике на самом берегу моря. Волны целый день ровняли тонкий морской песок. И вот Юн Су взял длинную палку и пришёл на берег моря. Быстро нарисовал на песке слово. Накатила волна и всё стёрла. Юн Су нарисовал опять. И опять всё смыла другая волна. Так он мог бесконечно писать без кисточки и бумаги.

Но теперь ему понадобились книги. Однажды Юн Су сказал хозяину:

— Я работал на вас бесплатно. Теперь хочу просить о плате. Однако, если вы разрешите мне читать ваши книги, я согласен работать у вас даром ещё год.

Хозяину жаль было терять такого выгодного работника. И он разрешил.

Приближалась зима. Дни стали короче. Юн Су приходилось работать дотемна. И дня ему уже не хватало. Юн Су был так беден, что не мог купить даже масла для лампы. Но когда светила луна, он читал и писал при лунном свете. А когда луны не было, Юн Су набирал в траве светлячков и наклеивал их на бамбуковую пластинку.

Прошло много лет. Юн Су добился своего: он стал великим учёным. И до сих пор люди вспоминают упорство маленького бедняка Юн Су.

Перевела Р. Чернова

ДЕТИ ГОРЧИЧНОГО РАЯ

(Окончание)

Н. Кальма

Рис. В. Цельмера

ДВЕ ДЕВОЧКИ

За барьером свидетельского места появилась высокая костистая фигура с туго-натуго завязанным на макушке седым узелком волос, с мохнатыми седыми бровями, охраняющими пару маленьких серых глаз. Люди начали перешёптываться. Все почувствовали, что от этой женщины невозможно ждать ничего хорошего для подсудимых.

Когда Чарли увидел её, он впервые ощутил нечто вроде испуга. Тёмная волна ненависти шла от этой фигуры и заливала его и его близких. И это мать Патриции, той самой Патриции, которая клялась быть всегда его другом! Он пытался успокоиться: вот выступит Патриция и скажет, что всё это неправда и что она сама искала его дружбы, сама пригласила его к себе и пришла к нему в гости.

Миссис Причард была немногословна. Но из её кратких и энергических слов явствовало, что она и её дочь Патриция являлись жертвами преследования негритянского мальчишки и его семьи. Мальчишка дошёл до того, что, страшно сказать, пробрался даже в замок самого мистера Милларда, и, если бы не она, неизвестно, что бы он себе позволил. Он совершенно забыл о расстоянии, отделяющем чёрных от белых людей, и держал себя на равной ноге с её дочерью. А когда она, миссис Причард, отвадила его и запретила дочери общаться с негром, он обратился за помощью к своему родственнику — этому певцу, которого она не слушала и, разумеется, не желает слушать, но про которого говорят, что он коммунист, и тот придумал дьявольскую хитрость: они позвонили в дом миссис Причард и объявили, что мальчишка при смерти и чтобы Патриция пришла сказать ему последнее «прости». Конечно, у Патриции нежное сердце, она не могла отказать и отправилась в этот ужасный дом и даже скрыла это от своей матери, чтобы мать не волновалась.

— Благодарю вас, миссис Причард, — ласково сказал Сфикси, — суд понимает ваше возмущение и разделяет ваше негодование.

Прокурор повернулся к судье:

— Ваша честь, я вызвал сюда ещё нескольких свидетелей, но не знаю, захочет ли суд их выслушать. Дело в том, что они несовершеннолетние...

Сфикси сделал вид, что раздумывает.

— По закону не полагается, — сказал он, — но если это будет способствовать выяснению обстоятельств дела, мы, разумеется, выслушаем несовершеннолетних и примем во внимание их заявления...

Где-то на одной из задних скамей произошло движение.

— Слышишь? Ты слышишь, что он говорит? — прошептал Джой Беннет Василью. — А нас он не допустил...

— Мы хотели говорить в пользу Чарли и Ричи, а те, наверное, будут говорить против них, — пробормотал, сжав зубы, Василью. — Ох, как я ненавижу всех этих судей!

Патриция была одета очень нарядно, в розовом кружевном платье и лёгких светлых туфлях. Мать старательно завила её медные волосы, и они лежали пышными локонами на плечах и спине. Пат держалась скромно и достойно, как и полагается благовоспитанной молодой леди с Парк-авеню. Она была очень бледна, и Чарли, увидев её, но ещё не слыша её показаний, с состраданием подумал о том, как ей, должно быть, страшно и трудно выступать перед таким залом и защищать его от ненависти и злобы этих судей. Он гордился тем, что дружит с такой смелой и благородной девочкой.

Но вот Пат заговорила:

— Да, сэр, я была в этот вечер в доме певца Робинсона. Нет, сэр, не своей охотой. Меня заманили обманом, сэр. Да, я предполагаю, что Чарльз Робинсон участвовал в обмане, хотя он меня и уверял в обратном...

Что? Что такое?! Чарли задохнулся. На секунду ему показало, что он бредит. Стоит только встряхнуться хорошенько, и он проснётся и всё станет на своё место...

Но свежий голосок звучал всё так же отчётливо и хладнокровно:

— Да, сэр, там были все подсудимые и ещё много других. Сейчас я постараюсь вам их перечислить...

Чарли старался поймать взгляд Пат. Нет, здесь что-то не так! Её, наверное, заставили говорить всё это. Возможно, мать наказывала её, била...

Но голос девочки был слишком ясен и свеж, её манеры, её платье — всё было безмятежно, спокойно, всё говорило о полном самообладании.

— Расскажете нам, дитя моё, о том, что же происходило на этом собрании в доме Робинсонов? — проволок прокурор.

— Вначале вот они, — Пат, стараясь избежать взгляда Чарли, махнула рукой в сторону Гирича и Квинси, — они рассказали, что их уволили с завода, и можно было понять, что они там давно ведут тайную работу. Они очень жаловались на сыпчиков, на то, что у них отобрали географический атлас, который им дал мистер Ричардсон...

— Так, так, — кивал Сфикси, — продолжайте, мисси.

— А потом один такой страшный негр-калека сказал, что это очень хорошо, что все они выручили мистера Ричардсона и что за мистером Ричардсоном давно идёт слежка. Он, как сейчас помню, сказал: «Не нужно,

чтобы его имя слишком часто упоминалось в доносениях полиции.»

— Вы слышите, леди и джентльмены, — торжественно поднялся с места Сфикс, — устами младенца глаголет истина, как сказано в писании. Это — очень важное показание, и я прошу его записать дословно. Теперь подсудимый Ричардсон уже не сможет отрицать свою принадлежность к коммунистической партии...

— А я и не отрицал, — раздался спокойный голос Ричи.

— Джентльмены, вы все слышали, подсудимый сознаётся: он коммунист! — воскликнул прокурор.

— Ох, подлая дрянь эта Патриция! — бушевал Джой Беннет.

— Я давно знал, что она такая, — пробормола сквозь зубы Василь.

Саади малюком взглянула на сына. Мальчик сидел весь серый, с побелевшими губами. Руки его устало повисли вдоль тела. Он, который ничего на свете не боялся и мечтал о славной судьбе Джона Брауна, теперь был ранен в самое сердце человеческой подлостью.

— Потом, сэр, певец принёс письмо, якобы только что полученное из России, и читал его всем и рассказывал, как там хорошо, и какие там замечательные порядки, и как все должны стать коммунистами и поехать туда... И все его слушали и задавали вопросы, и стен нашего Василя Гирича очень волновался и сказал, что непременно уедет туда, потому что здесь, в Штатах, очень плохая обстановка...

— Как долго вы оставались на вечер, дитя моё? — спросил прокурор.

— Я... я хотела сейчас же уйти, как только поняла, что это собрание красных... Но... но я очень неудачно сидела за столом... Так что смогла выбраться только, когда на меня перестали обращать внимание... — сказала Пат.

— Можно ли, по-вашему, дитя моё, назвать это собрание собранием антиамериканских заговорщиков? — обратился судья к девочке.

В зале мгновенно наступила мёртвая тишина. Все понимали, как важен ответ Патриции на этот вопрос.

— Конечно, сэр, — ни минуты не медля, сказала девочка.

— Негодяйка ты, Пат! — закричал Чарли со всей силой ненависти и презрения, которые переполняли его сейчас до краёв.

Пат метнула на него зелёный, злой взгляд и присела перед судьёй.

Многочисленные фотографии и кинооператоры снимали Пат.

— Я прошу, ваша честь, избавить мою дочь от таких оскорблений! — взревела миссис Причард, внезапно вставая перед Сфиксом. Судья застучал молотком:

— Подсудимый Чарльз Робинсон, если вы позволите себе оскорблять свидетеля, я вынужден буду наложить на вас дополнительное высказание!

— Держи себя в руках, Чарльз, — прошептал со своего места Джим.

Как хорошо понимал он состояние мальчика! Как тяжело и ему было смотреть на грязную, бесчестную игру в правосудие!

Между тем многочисленные фотографии и кинооператоры снимали Пат. Она имела решительный успех, и фотографии уже прикидывали, как эффектно будет выглядеть её хоршенькое личико на страницах газет и журналов под жирными зазывающими заголовками: «Девочка разоблачает заговор изменников», «Негры обманом заманили белую девочку к себе», «Коммунисты пытаются внушать свои идеи даже детям».

Выступление Пат было выдающимся событием дня. После неё всех остальных свидетелей слушали уже почти без всякого внимания. Некоторое оживление внесли появившиеся на свидетельском месте два подростка — сын директора школы Фэйни Мак-Магон и его товарищ Рой Мэйсон.

Оба они дополняли своими показаниями характеристики учителя Ричардсона и старосты класса Чарльза Робинсона.

Всё шло своим порядком, мальчики рассказывали о красной пропаганде, которую вёл в классе Ричардсон, о его любимце — негре Робинсоне — и о том, как этот Робинсон

стремился захватить в классе власть. Одетый щеголем, Рой Мэйсон держался, как взрослый настоящий оратор.

— Ставлю сто долларов за то, что этот мальчик будет выдающимся политическим деятелем,— шепнул Парк Вийл своему семейству, разглядывая Роя в бинокль.

И вдруг детский, тонкий, колеблющийся голос прорезал тишину и прервал на самом выигранным месте показания Роя.

— Они всё врут! Пускай они лучше расскажут, как они травили Робинсона! Как подстроили, чтобы он упал на гонках табачных ящиков и расшибся! Вот это вы у них спросите!

Все головы повернулись в сторону кудрявой девочки, взобравшейся с ногами на скамейку.

— Откуда явилась эта девочка?— рассердился Сфикси.— Как её сюда пропустили?!

— И как они шпионовали за своим учителем, мистером Ричардсоном, которого все ребята в школе обожают!— не унималась Кэт.— Мистер судья, прикажите им, чтобы они всё это рассказали, а то лучше дайте я вам расскажу сама!

В зале поднялся шум, смех. Красный и злой Мак-Магон пробирался к Кэт, шагая между скамейками и наступая всем на ноги. Зал с насмешливым вниманием следил за встречей отца с дочерью.

Эффект показаний Фэйни и Роя Мэйсона был сорван.

Защитник торжествовал эту небольшую победу. Торжествовали и на дальних скамьях. В особенности радовался школьники. Все они хотели хоть чем-нибудь утешить Салли, и все теперь тянулись к ней:

— Слышали, тётя Салли? Вот так девочка— посадила Фэйни и Роя в кашошу! Молодец девчонка!

СУД ПРОДОЛЖАЕТ РАБОТУ

Защитник тревожно озирался, несколько раз выбегал в комнату, где дожидался вызова свидетели, выходящая даже на улицу.

Дело в том, что и исчезла и не явилась в суд одна из главных свидетельниц, двоя убитого Цезаря—Тэмпи. Её показание должно было начисто снят с Ричардсона обвинение в покушении на убийство Кольриджа и вместе с тем доказать, что стрельбу в «Колорадо» начали сами полицейские. Но Тэмпи не было. Не оказалось её и дома, куда послал за нею защитник. Старший сыншишка Тэмпи сказал, что мама ушла в суд.

И никто не знал, что в автобусе, куда села Тэмпи, какой-то парень вдруг поднял крик, что негрятинка залезла к нему в карман и вытащила бумажник. На Тэмпи тотчас же набросились, сдали её полисмену, дежурившему на перекрёстке, и тот, неслеша, препроводил её на ближайший пост. Тэмпи доказывала, что ей нужно поскорее идти в суд, она должна рассказать всем, как убили её несчастного мужа. Дежурный сержант усмехнулся и сказал, что без начальника он ничего поделать не может, а когда придёт начальник, он не знает.

Не дождавшись Тэмпи, защитник вызвал следующего по списку свидетеля.

— Это был доктор Рендаль.

Он вошёл на свидетельское место, взволнованный и сердитый. Только что ему пришлось выдержать бурную стычку с «Большим Боссом», который специально вызвал его к себе.

— Я слышал, док, что вы собираетесь выступить свидетелем защиты на этом процессе «Колорадских бунтарей», как их называют газеты?— начал Миллард.

Доктор кивнул.

— На вашем месте я не стал бы этого делать, док,— дружески наклонился к нему Миллард.— Не стоит портить репутацию из-за каких-то там негров, будь они хоть трижды мировыми знаменитостями... Время теперь суровое, Рендаль... Мне говорили, что вы стали с красным душком, но я знаю вас не первый год и не поверил этому...

— И, однако, вам придётся поверить, Миллард,— сказала спокойной доктор.— Я не знаю, что вы называете «красным душком», но уверен, что мы с вами исповедуем совсем различные идеи...

Миллард посмотрел на него тяжело и пристально:

— Вы сильно переменялись, док. Боюсь, что ваши пациенты здесь, в городе, не захотят иметь врачом красного...

— Это угроза?— спросил доктор Рендаль.

Миллард пожал плечами:

— Во всяком случае, если вы дорожите своей практикой и положением, не советую вам выступать на процессе...

Доктор Рендаль начал свои показания. Он знает обоих Робинсонов и мистера Ричардсона с самой лучшей стороны. Учитель вырос на его глазах и всегда был самым благородным молодым человеком. Он примерный сын и поддерживает свою старую мать. Был образцовым офицером флота. Превосходный преподаватель литературы.

— Мистер Рендаль, разве вы учились у преподавателя Ричардсона?— перебил его прокурор.

Послышался смех: это Парк Вийл и его соседи смеялись над острою прокурора. Доктор слегка растерялся:

— Нет, разумеется, не учился, но...

— Нам известно, что учитель Ричардсон часто бывал у вас в доме, мистер Рендаль,— продолжал прокурор.— Часто ли он говорил вам о России, о своих связях с американскими и русскими коммунистами?

— Он мне об этом ничего не говорил,— сердито возразил доктор.

— Ага. Секретарь, запишите: подсудимый скрывал даже от своего друга, доктора Рендаля, свои связи с русскими коммунистами.

— Поймите, стойте, я этого не говорил! Это искажение! Это ложь!— вспыхнула сбитый с толку доктор.

— Свидетель, я приглашаю вас к ответственности за оскорбление суда!— заявил Сфикси.

Доктор возвысил голос и начал резко протестовать против такого произвола. Судья заступал молотком. Он приказает вывести свидетеля, если свидетель позволит себе ещё раз повысить голос. Вконец разстроивший и раздражённый доктор Рендаль пытался ещё что-то говорить, но его всё время сбивали перекрёстными вопросами то прокурор, то судья и придавали всем его показаниям со-

вершено обратный смысл. В конце концов он резко отказался от дальнейших показаний, потому что они только вредили подсудимым.

Та же картина повторилась, когда появились Джордж Монтге, Бен Майнард и дядя Пост.

К тому времени, когда выступили представители прогрессивных организаций, делегаты Конгресса мира и посланцы различных демократических стран, желающие во что бы то ни стало добиться оправдания и освобождения Джима Робинсона, присяжные сильно утомились. Сфиски был доволен: теперь было самое время для того, чтобы дать слово прокурору.

Подсудимые тоже очень устали. Джим чувствовал себя совсем больным, но когда защитник предложил ему сослаться на болезненное состояние и просить судью отложить заседание суда, он отказался:

— Пусть всё идёт, как должно, — сказал он устало, махнув рукой. — Бороться мы будем потом. Сейчас мы можем только ждать и всё, что случится, использовать для нашей борьбы. На примере этого суда все люди увидят, что такое справедливость в Америке!..

После выступления Патриции Чарли с трудом сдерживался, ему хотелось вскочить и закричать прямо в лицо судье и прокурору и всем этим подкупленным свидетелям самые жестокие и гневные слова. Как сквозь туман доносилась до него речь выхоленного, пожегого на пушистого, породистого кота, прокурора. Измена... Тайный заговор... Покушение на убийство...

Мальчик нашёл глазами мать. Она тоже сидела, почти не слушая, что говорил прокурор. Какое это имеет значение! Всё равно приговор предрешён заранее...

Так же безучастно слушали подсудимые и присяжные речь защитника. Надо отдать справедливость этому молодому и хорошему человеку: он сделал всё, что мог. Он начисто отверг обвинение в том, что большая часть подсудимых является советскими агентами и получает за это вознаграждение, он подобрал много фактов, говорящих о благородных побуждениях подсудимых, об их честном труде на пользу американского народа.

Но что всё это значило для людей, которые сидели здесь и смотрели на подсудимых глазами собак, готовых вцепиться в наконец-то затравленную дичь!

Снова поднялся прокурор.

— Выносите своё суждение соответственно законам, — сказал он, обращаясь к присяжным. — Но каждую секунду вы должны помнить о том, что красная опасность угрожает вашим жилищам и вашим детям и что эти люди несут Америке разрушение и гибель! — и, эффектно взмахнув выхоленной рукой, прокурор сошёл с трибуны.

Утро следующего дня было дождливое, сумрачное. Ветер трепал деревья на улице, потоки дождя струились с крыш, с деревьев, с зонтов и макинтошей прохожих. Зловещие космы пепельных облаков бежали низко и быстро и, точно дым, заволакивали небо.

От дождевых капель давно немые окна суда казались перламутровыми. Но никто не смотрел в эти окна.

Со скамьи подсудимых поднимается мальчик.

Сфиски визгливо спросил, что имеют сказать суду подсудимые.

Поднялся Джим Робинсон. Он пристально оглядел судью, прокурора, присяжных. Никто не ответил на его взгляд, все хмуρο смотрели в пол, словно он был обвинителем, а они — подсудимыми.

— Сэр, — начал певец, и голос его заставил встрепенуться весь зал — сэр, я не стал бы выступать, если бы дело касалось только одного меня. Но здесь происходит незаконный и непристойный суд над американскими гражданами, которых избрали для того, чтобы публично кричать и позорить. Я не желаю отвечать на всё это нагромождение лжи. Юристы называют такой материал довольно мягко «показаниями, основанными на слухах». У американского народа есть для этого более правильное наименование: «грязь». Источник грязи всем очевиден. Все эти «показания» исходят от шпионов, сыщиков, платных информаторов, нанятых большими хозяевами.

Суд изо всех сил старается лишить меня и моих товарищей свободы и чести американцев, и это показывает, как в нашей стране можно уничтожить любого человека, негодного хозяевам.

Я не говорю, что судья Сфиски — неправда в этом деле. Он малкий политикан, служащий более могущественным силам. Эти силы стремятся подчинить себе всё и всех в нашей стране. Они избрали воображаемую

угрозу красной опасности и хотят запугать американский народ. Судья Сфикси и все, кто с ним...

Стук молотка прервал его слова.

— Уходите с трибуны! Полицейные, уведите этого человека. Обвиняемый, я привлекаю вас к ответственности за оскорбление суда!

Полицейные набросились на левца. Под непрерывный стук молотка его увели.

Присяжные удалились для вынесения приговора.

Салли пыталась пробраться к сыну и Джиму, чтобы перекинуться с ними несколькими словами или хоть подбодрить их взглядом, но полицейские стеной встали перед нею. Василь сидел весь белый, зажав между коленями сцепленные пальцы.

Близнецы, нетерпеливые и встревоженные, приставали к Салли:

— Что теперь будет? К чему их приговорят? А папу присудят отдельно или со всеми вместе?

Салли хотела их успокоить, сказать что-нибудь утешительное этим славным мальчикам, но у неё самой сердце ныло от страшных предчувствий.

Наконец раздался голос секретаря:

— Суд идёт! Прошу встать!

— Виновы или не виновны подсудимые?—громко спрашивает Сфикси.

— Виновы,—отчётливо отвечает старшина присяжных,—виновны в заговоре против существующего строя, в подрывной деятельности по заданию коммунистов.

В первых рядах дружно аплодируют представители «тринадцати семейств» и их друзья, чрезвычайно довольные решением присяжных. Присяжные улыбаются, как актёры, удачно исполнившие трудную роль.

Секретарь спрашивает, что имеют сказать до произнесения приговора подсудимые.

Джим Робинсон, Роберт Ричардсон, Иван Гирич, Джерард Квинси отказываются от последнего слова. Им нечего сказать участникам этой нечестной игры в суд.

Но со скамьи подсудимых поднимается мальчик. У мальчика немного дрожат руки, и, чтобы скрыть это, он сжимает и разжимает кулаки.

— Здесь сказали, что я хотел убить сыщика,—говорит он, смотря куда-то поверх головы.—Это единственная правда, которую сказали на этом суде. Да, я хотел убить его за то, что он ударил мою мать. И, если бы это повторилось, я снова поступил бы так же. Я не боюсь приговора, и мои друзья здесь тоже не боятся. Я знаю, если бы нам предложили умереть, отдать жизнь для того, чтобы на земле поскорей наступила справедливость, чтобы все люди, всех цветов кожи, стали равны,—все мы согласились бы на это! Правду я говорю, дядя Джим?—и мальчик обернулся к пещу, ожидая ответа, хотя и зная его наперёд.

— Правду, мой мальчик!—тотчас же внятно сказал Джим Робинсон.

— Правду. Истинную правду. Чарльз!—откликнулся Гирич, Квинси и Ричи.

— Вы слышите?—с торжеством сказал Чарли, поворачиваясь к судье.—Я кончил, сэр...

Чарли сел и отвернулся от зала. Лихорадка, бившая его, пока он говорил, утихла.

Осталось чувство усталости и голода. Болело горло, было трудно глотать. Он не думал о том, что ждёт его и других. Суд, потом тюремная камера, день за днём взаперти, тяжёлая работа где-нибудь на каменоломнях.

До него донёсся голос Сфикси. Судья горлопана прочтёт приговор.

— Джемс Робинсон, сорока семи лет, певец по профессии; Роберт Ричардсон, двадцати шести лет, учитель; Иван Гирич, сорока двух лет, механик; Джерард Квинси, тридцати восьми лет, по профессии токарь, и Чарльз Робинсон, учащийся,—приговаривались все пятеро к тюремному заключению сроком на три года или к уплате штрафа в размере десяти тысяч долларов. Кроме того подсудимому Джемсу Робинсону и его племяннику Чарльзу Робинсону, по отбытии наказания, воспрещалось проживание в данном штате. Приговорённым Квинси, Гиричу и Ричардсону, после отбытия наказания, запрещалось занимать какие-либо должности в государственных учреждениях. В случае, если бы приговорённые захотели заменить тюремное заключение штрафом, означенная сумма должна быть внесена полностью и за всех сразу.

Голос судьи смолк.

Джемс Робинсон чуть усмехнулся про себя: наверное, на свете нашлось бы немало импрессио, жаждущих заключить с ним договор и на большую сумму. Но теперь надолго заглухнет его голос: суд Америки заставил его замолчать.

Так, значит, тюрьма!

К БЕРЕГАМ СВОБОДЫ

Едва стал известен приговор суда, в домик Салли отовсюду стали приходиться письма и деньги.

Знакомые и незнакомые друзья, простые, честные люди собирали средства на уплату штрафа. Нужная сумма была быстро собрана—и пять заключённых были выпущены из тюрьмы.

Огромный океанский пароход привалился к набережной всей своей многоэтажной громадой. Пароход ждёт только сигнала к отплытию, и где-то в глубине его уже клокочат раскалённые котлы.

Ветер, пахнущий морем, гонит зыбь, сильную и мягко бьёт в лицо, налетает откуда пошло. Рядом чёрный буксирный пароходик, похожий на игрушку, суетливо и угодливо кланяется волне.

От перил палубы, от мола чуть-чуть пахнет смолой, и этот запах приносит с собой сладкую и мучительную тоску, жажду дальних странствий, сожаление о прошлом. Может быть, поэтому есть оттенок грусти в улыбке Джорджия Монтее... Он стоит на молу с непокрытой головой, держа наготове свою шляпу, чтобы, когда отвалит громада корабля, взметнуть её вверх и замахать уезжающим друзьям. В толпе к нему жмутся отец и близнецы Квинси. Снова Квинси-отцу, маленькому и мужественному, приходится всё начинать сначала, чтобы кормить и выводить в люди своих близнецов. Кем будет он сейчас? Грузчиком в порту, «сандвичем», бродящим день-

Пароход ждёт сигнала к отплытию.

денской с объявлениями на спине и груди, подметальщиком или просто одним из тех бездомных безработных бедняков, которых Армия спасения заставляла за чашку полхлебки петь псалмы и твердить тексты священческого писания?

Кем будет старенький дядя Пост, которому давно уже пора иметь тёплый надёжный угол и кусок хлеба? Кем будет чахоточный отец Джоя Веннета? Страшное клеймо поставлено на этих людей, и долго будут они бродить по городам, где дома подымаются, как безмолвные тёмные скалы, искать человеческого сочувствия и правды.

Ричи, молодой учитель, выпущенный из тюрьмы, уличённый в том, что он исповедует великие идеи коммунизма, тот знает, куда ему идти и что делать. Он не опустит свою гордую юношескую голову. Долгий и трудный путь борьбы лежит перед ним, но рядом шагает всё больше друзей—белых и чёрных,— и это делает молодого учителя бесстрашным и уверенным в себе.

Он тоже здесь, он стоит на палубе рядом с Джемсом Робинсоном, которого напоследок

одолевают репортёры, и что-то поспешно записывает в блокнот, который дал ему певец. Потом Ричи подходит к маленькой женщине, закутанной в плащ.

— Теперь вы можете быть покойни, миссис Робинсон,— говорит он ласково.— Теперь ваш Чарли сможет получить всё, на что он имеет право по своим способностям и уму. А потом, когда он вырастет, он снова вернётся сюда, чтобы служить своему народу...

Салли молча кивает, волнение сдавливает ей горло. Подходит Иван Гирич со старой сумкой, на которой пестреет затейливый узор родной украинской вышивки. У Гирича ратерянное и счастливое лицо человека, который никак не может прийти в себя от неожиданной радости.

— Василь!— зовёт он.

Но сын не отзывается. Он перегнулся вместе с Чарли через борт и подзывает к себе обоих друзей-близнецов.

И Чарли и Василю хочется сказать на прощанье друзьям что-нибудь особенное, чтобы запомнилось надолго, может быть, навсегда. Но, как обычно, когда сердце полно слишком большими чувствами, язык произносит только самые обыденные, незначительные слова.

— Пишите нам, как у вас сложатся дела,— говорит Чарли.

— А будете писать в Стон-Пойнт, передавайте привет там... всем,— с запинкой добавляет Василь.

Он дотрагивается до кармана на груди, где лежал свёрнутая вчетверо бумажка.

Мальчик помнит наизусть эти строчки, написанные рукой Нэнси:

Лежит за океаном
Великая страна,
Для белых и для чёрных
Свобода там одна.
Ты будешь там счастливый,
Как ласточка, парить,
Но чёрную сестрёнку
Старайся не забыть...

Увидит ли он когда-нибудь свою чёрную сестрёнку?

Избавившись от репортёров, Джемс Робинсон берёт под руку Ричи и вместе с ним подходит к борту. Теперь он виден всем друзьям, высоким, чуть усталый, с прекрасным, вдохновенным лицом.

— Мы расстаёмся ненадолго,— говорит он, и голос его легко перекрывает весь шум.— Я скоро вернусь. Я буду с моим народом!

Густой, мощный бас корабля вторит ему. Снимают сходни, и в последнюю минуту перепрыгивает на мол гибкая фигура Ричи. Тяжко плещется вода, тяжело вращается огромное тело корабля. Джордж Монтье, Квинси и Ричи машут шляпами. Кричат что-то напутственное и доброе близнецы.

Певец и два мальчика, чёрный и белый, молча следят, как уплывает назад, уходит в ущелья между небоскрёбами лицевая, фальшивая дама, статуя американской свободы.

Раздувает и холодит волосы ветер, может быть, тот самый, который прилетел с невъдимых ещё берегов настоящей свободы,

Мечта народа осуществилась

Две книги о Таджикистане

Страны открывают не только географы. Это делают также писатели и поэты. И вы узнаете много интересного, если знания, полученные на уроках, будете пополнять чтением книг.

Мало знать, например, что Таджикская Советская Социалистическая Республика расположена на самом юге Советского Союза, где соединяются цепи Гиндукуша, Гималаев, Куэнь-Луня и Тянь-Шаня, и запомнить ещё ряд полезных сведений,— надо обязательно читать литературу народа, а таджикская литература очень интересна. Недаром знаменитый чехословацкий журналист Юлиус Фучик, народный герой и пламенный патриот, тот самый, который, будучи приговорённым к смерти, боролся с фашистами и из тюрьмы до последнего смертного часа, сказал о книгах таджикского писателя Садриддина Айни: «Его книги для нас — не только прекрасное искусство, но и наглядное пособие».

Можно сказать, что вся жизнь Садриддина Айни — наглядный пример того, как Октябрьская революция раскрепостила и вывела на широкую дорогу угнетённые народы царской России, как изменила она судьбы людей.

«Сорокалетним писателем встретил я Октябрь,— сказал о себе Айни,— и в этом возрасте поступил в школу Октября. Эта школа воспитала меня, и, пройдя её, я словно заново родился».

О своей жизни писатель написал уже два тома воспоминаний. Книга «Школа» представляет собой часть этих воспоминаний.

До революции в Таджикистане на тысячу человек было только шесть грамотных. В своей повести С. Айни описывает старую, дореволюционную школу в деревне возле Бухары, где он учился. В школе, тёмном и грязном хлеве, школьники заучивали, как попугаи, названия букв и молитвы,

но ни читать, ни писать их так и не выучивали. Безграмотный учитель истязал учеников. Мальчики постоянно дрались друг с другом.

Кое-чему маленького Садриддина научил отец. Хотя он показал сыну даже не все четыре действия арифметики, а только сложение, и этого было много. Как пишет Айни, «он выучил то, чего в селении никто не знает».

Воспоминания Айни напоминают «Детство» Максима Горького, но ещё более страшное и безрадостное.

Когда Садриддин Айни подросток, он вместе со своим братом стал бороться против власти бухарского эмира. Оба они были схвачены и посажены в тюрьму. Брата Садриддина Айни эмир казнил. А самого Айни освободила из лап палачей Красная Армия.

Первым произведением советской таджикской литературы был «Марш свободы» Садриддина Айни.

Для Айни очень характерны такие строки: «Если бы ученик довольствовался тем, что даёт ему учитель, ремесло не развилось бы, остановилось бы. Только те ученики и являются истинными наследниками славных мастеров, кто не довольствуется учением и не успокаивается, вносит своё новое, ищет новое».

Из повести «Школа» вы узнаете, как учился Айни в детстве. А сейчас он основоположник советской таджикской литературы, почётный академик, доктор филологических наук Ленинградского университета имени А. А. Жданова и депутат Верховного Совета родной республики. Таким образованным и передовым человеком Айни стал благодаря советской власти и своему постоянному стремлению к новому, стремлению вперёд, вере в победу коммунизма.

Из повести С. Айни узнаёшь об ужасной жизни таджикских крестьян до революции. А другой таджикский писатель, Мирсаид Миршакар, в своей поэме «Золотой кишлак» рассказывает народное предание о золотом кишлаке:

Людей каких-то я увидел там,—
Они, счастливые, не ровня нам!
Зима и лето, камень и вода
Тем людям покорились навсегда.
...Там вовсе нет вражды между людьми:
Кто спросит: «Дай!», готов ответ: «Возьми!»
Там братья все, там злобы нет следа.
Там, как мужчина, женщина горда!
Никто не хочет избежать труда,
Не потрудившись, не вкусит плода...

Трудящиеся всех народов с древнейших времён мечтали о том, что настанет век равноправия и свободы, обилия и счастья.

Рисунок художника Б. Иорданского к книге С. Айни «Школа».

Одни народы мечтали о наступлении «золотого века», другие верили, что этот «золотой век» уже где-то существует, — надо только найти путь в эту страну. Так, около ста лет назад в поисках земли обетованной группа русских крестьян попала в Кашгарию (Западный Китай) и, не найдя того, что искали, осела там, не в силах выбраться.

Мирсаид Миршакар не выдумал легенду о золотом кишлаке. В своих путешествиях по Памиру я тоже не раз слышал эту старинную народную легенду.

Слышал я её в горном кишлаке, куда мы прибыли, чтобы переселить дехкан на поливные земли. Пробраться в этот кишлак было очень трудно. Помню, переправившись на бурдюках через горную реку, мы ехали по оврингу, я не знаю дороги страшнее! Представьте себе отвесную скалу в два километра высотой, где в трещины забиты короткие палки, на палки положены ветки, всё это присыпано камешками и шатается под копытами коня, ежесекундно грозя обвалиться, а внизу река кажется ниткой, и шум водопадов не достигает ушей. Кстати сказать, теперь там прекрасное автомобильное шоссе и регулярные авиалинии... Когда мы приехали, все жители кишлака сидели на деревьях и собирали туютовые ягоды. Мука сушёных туютовых ягод была здесь основной пищей. Недаром Миршакар пишет в своей поэме об урожае в две горсти ячменя. Поля в горах создавались так: горцы приносили в мешках землю снизу, из речных долин. Рассказывают, что однажды горец пришёл на своё поле работать, снял халат, бросил его на землю и никак не мог найти своего поля, а оно оказалось под халатом. Это, конечно, преувеличение, но в нём есть большая доля правды.

Ну как при таких условиях не мечтать о золотом кишлаке, где все земли принадлежат народу и все земли поливны! А вода — великое слово для Средней Азии. Из-за воды воевали народы, из-за воды сосед

убивал соседа. Водой владели богачи. Там, где вода, там зеленеют сады, белеет хлопок и рис шедестит колосьями. Там, где нет воды, вадимаются бесконечные песчаные барханы. Мёртвые города древнего Хорезма в Кара-Кумах свидетельствуют об утерянной воде. Вода — жизнь для Средней Азии, а таджикский Памир собирает и даёт воду множеству рек и в том числе «реке народов» — Аму-Дарье, верхнее течение которой называется Вахш. О Вахшестрое, ожившем пустыни, М. Миршакар написал поэму «Знамя Победы», показав передовых таджикских людей и их друзей — русских.

В поэме «Золотой кишлак» М. Миршакар рассказывает, как бедняк-памирец, отправившись ещё до революции на поиски обетованного золотого кишлака и состарившись в бесконечных блужданиях, наконец, находит его. Оказывается, это его родной кишлак, который советская власть сделала золотым. И путь к нему — не бесплодное ожидание и не поиски где-то за горами, а борьба и труд:

Нет, счастья нет готового нигде —

Ни на земле, ни на другой звезде!

...И каждый плод, и каждый новый дом, —

Добыто нашей волей и трудом.

Мирсаид Миршакар, прославляя труд, выражает заветные мысли народа:

Как только в руки я беру кетмень,

Меня никто не называет старым.

С этим перекликаются слова одного рабочего, услышанные мною на демонстрации в день 32-й годовщины Великой Октябрьской революции: «Какой же я старик, если я стахановец?».

Волнует и радует глубоко народное патристическое творчество М. Миршакара. Большую правду чувствуешь в его словах:

В глазах того всегда светлеет

ночь,

Кто любит труд и кто с наукой

дружен.

Георгий Тушкан

СОДЕРЖАНИЕ

Говорящий узор. — Стихи Чимита Цыдендам-баева. Рис. Н. Елаиновой	3 стр.
Две победы. — Рассказ А. Некрасова. Рис. Б. Винокурова	4
Чудесный ковёр. — Стихи Платона Воронько	13
Рис. Е. Афанасевой	13
Свет нашей отчины. — Олег Бедарев. Рис. В. Болоткина	14
Незабываемая встреча. — Стихи С. Маршака	17
Рис. В. Константинова	17
В наших городах и селах — Архитектор В. С. Андреев	18

Имена Сталина. — Г. Феста	23 стр.
О нашей любимой Родине	27
Нитайские народные сказки	30
Дети Горчиного рая. — Повесть И. Кальми. (Окончание) Рис. В. Цельмера	33
В мире книг	39
Строительство нового высотного дома на Смоленской площади в Москве. — Рис. А. Ромодановской	IV п. обл.

На обложке: картина А. Побединского «Дети разных народов, мы мечтаю о мире живём».

На вкладке: картина лауреата Сталинской премии Ф. Шурпина «Утро нашей Родины».

Редколлегия: Атаров Н. С., Воронков К. В., Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Орлов В. И., Смирнова В. В.

Адрес редакции: Москва, улица «Правды», 24, комната 566, тел. Д-330-73.

Подписано и печати 15/XII—49 г.

Изд. № 904.

82 × 110.

1/4 бум. листа.

А — 09592.

76 999 печ. зн. в печ. листе. 5 печ. л.

Тираж — 58 000.

Заказ 2574.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

КАК ГОТОВИТЬ УРОКИ?

Такой вопрос задали группе школьников.

Один мальчик похвастался:

«Я сажусь за уроки, как только приду из школы. Только закончив их, я начинаю отдыхать. «Кончил дело — гуляй смело».

Кстати ли применил мальчик эту хорошую поговорку?

После окончания уроков в школе учащийся нуждается в отдыхе.

Если он приступит к приготовлению уроков, не отдохнув достаточно, то задания хуже усваиваются, приготовление уроков отнимает больше времени, школьник быстрее устаёт. Если это повторяется изо дня в день, то и здоровье школьника страдает.

Поэтому, вернувшись из школы, пообедай, погуляй и только после этого приступай к выполнению домашних заданий.

Однако не откладывай приготовления уроков до позднего вечера: к концу дня ты устанешь и твоя

работоспособность упадёт. Если ты учишься в вечерней смене, готовь уроки в основном утром, после завтрака.

Перед тем, как сесть за уроки, хорошо проветри комнату.

Выключи радио, чтобы оно тебя не отвлекало.

Если стул и стол не подходят тебе по росту, положи на стул ящичек, а другой поставь на пол, чтобы упираться в него ногами. Следи за тем, чтобы свет падал слева и сверху.

Книги и тетради держи на расстоянии около тридцати пяти сантиметров от глаз. Не упирайся грудью в стол.

Сначала выполни самые трудные задания, потом переходи к более лёгким.

Закончив уроки, отдохни и погуляй. Вот теперь уместно сказать: «Кончил дело — гуляй смело».

*Центральный институт санитарного просвещения
Министерства здравоохранения СССР.*

По Сталинскому плану перестраивается и украшается Москва. Здесь вы видите строительство величественного высотного дома на Смоленской площади.

